

ЮЖНЫЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

На правах рукописи

Морозова Ольга Михайловна

**ЧЕЛОВЕК В УСЛОВИЯХ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ:
АНТРОПОЛОГИЯ РОССИЙСКОГО ВООРУЖЕННОГО КОНФЛИКТА
1917-1920 гг.**

07.00.02 – Отечественная история

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
доктора исторических наук

Ростов-на-Дону – 2012

Работа выполнена в Институте по переподготовке и повышению квалификации преподавателей гуманитарных и социальных наук Южного федерального университета

Официальные оппоненты:

Орлов Игорь Борисович, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры Политического поведения Высшей школы экономики;

Еремеева Анна Натановна, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры Истории и музееведения Краснодарского государственного университета культуры и искусств;

Телицын Вадим Леонидович, доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Института всеобщей истории РАН.

Ведущая организация:

Северный Арктический федеральный университет им. М.В. Ломоносова

Защита диссертации состоится 20 ноября 2012 г. в 11-00 час. на заседании Диссертационного совета Д 002.018.02 по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора исторических наук при Институте российской истории РАН по адресу: 117036, г. Москва, ул. Дмитрия Ульянова, д. 19.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке Института российской истории РАН по адресу: 117036, г. Москва, ул. Дмитрия Ульянова, д. 19.

Автореферат разослан " ____ " октября 2012 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
доктор исторических наук

Т.М. Смирнова

I. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. Обозначившийся в отечественной науке так называемый антропологический переворот расширяет познание конфигурации социальных связей, формирующих исторический процесс. Повернувшись лицом к индивиду, история как исследовательская практика получает более широкое представление о социокультурной гетерогенности; простор для интериоризации индивидуального жизненного опыта, преобразовывающегося в социальную практику и память, который к тому же выглядит более противоречивым и непредсказуемым, чем поведение классов и групп.

Наряду с научным интересом тема имеет и актуальное общественное звучание. События Гражданской войны в России и накануне столетия Революции 1917 г. продолжают оставаться предметом научных и общественных дискуссий, критерием политического и мировоззренческого позиционирования россиян. Перманентно переживаемые страной потрясения политического, экономического, мировоззренческого характера опять готовы всколыхнуть российское общество в эпоху современных трансформаций. Войны на постсоветском пространстве во многом являются конфликтами подобного происхождения и характера, поэтому внимательное прочтение истории 1917-1920 гг. даст новый взгляд и на эти проблемные точки современности.

Наука уловила значимость нового прочтения широко известных событий с позиций историко-антропологического направления, что и нашло отражение в расширении круга источников и в изменении формулировок научных задач. На это нацеливает и паспорт специальности 07.00.02 «Отечественная история», включив в область исследований историю повседневной жизни; исторические изменения ментальностей, общественных настроений и общественного мнения; просопографические изыскания в области персональной истории.

Объектом исследования стали современники и участники Гражданской войны в России 1917-1920 гг.

Предметом исследования являются: индивидуальное и массовое сознание, мировоззрение и ожидания; стереотипы мышления, механизмы и практики действия; объективные и субъективные факторы, ставшие основой процесса кристаллизации новых коллективных идей, традиций, образцов поведения; становление новой функциональной дифференциации масс людей, вовлеченных во внутренний вооруженный конфликт.

Целью диссертационного исследования является изучение психологических и ментальных процессов, протекавших в период Гражданской войны в России 1917-1920 гг.; выявление динамики восприятия людьми социально-политической действительности и реконструкция моделей их поведения.

Задачи исследования

Достижение поставленной цели предполагает исследование социально-психологических, морально-нравственных аспектов истории Гражданской войны, а именно:

- мировоззрения различных категорий военнослужащих – рядового и командного состава армий противоборствующих лагерей;
- механизмов и культурно-психологических характеристик, поведенческих практик отдельных социальных групп и их представителей в нарастающем конфликте;
- а также выявление:
 - комплекса социокультурных, этнических, социально-демографических факторов, влияющих на повседневную жизнь и психологию социума и на поведение отдельного человека в вооруженном конфликте; а также совокупности социальных представлений, с помощью которых осуществлялось конструирование образа происходящих событий;
 - доминирующего типа социальных связей в воюющих армиях;
 - подлинного смысла и механизма формирования лингвистических формул и символики моделей поведения, характерных для периода Гражданской войны.

Хронологические рамки исследования ограничены 1917 – 1920 гг. Нижняя временная граница определена формулировкой темы, которая нацелена на изучение поведения россиян в условиях расширяющегося властного вакуума. Но вместе с тем, психологическая подготовка внутригражданского противостояния началась задолго до его фактического начала. Поведение участников событий испытывало влияние предшествующего социального и личного опыта. Для корректной детализации изменений в общественных настроениях, для установления факторов генезиса слоев, наиболее активно проявивших себя в ключевых событиях (временного интервала и темы исследования), была поставлена задача выстраивания своеобразных динамических рядов «микроданных», пригодных для ретроспективного анализа. Здесь подразумевается информация, заимствованная из биографических и автобиографических повествований, изучаемая как казус – уникальное событие – или как результат деятельности поколенческих и локальных групп акторов. Все эти соображения и вызвали выход за обозначенные в теме диссертации хронологические рамки при решении некоторых из заявленных задач исследования.

Финальная дата продиктована фактом ликвидации на Европейской части страны антибольшевистских вооруженных формирований регулярного типа, что предопределило исход борьбы.

Географические рамки включают территорию Российской империи, которая представляла собой многослойное государственное образование, составленное из народов, находившихся на разных этапах исторического развития и стоящих перед необходимостью решения крайне непохожих задач, что не могло не сказаться на своеобразии военно-революционных событий на местах. Сравнение источников, происходящих из разных регионов страны, как и предполагалось, позволило отчетливее увидеть общее и особенное, закономерное и случайное в событиях революционной эпохи.

Степень изученности темы. Интерес к вооруженному конфликту 1917-1920 гг. в России нашел свое отражение в многочисленных исследованиях российских и зарубежных авторов, причем подавляющее

число их выполнено в русле макроисторического направления. Итоги изучения истории Гражданской войны в советский период носят двойственный характер. С одной стороны, общая военно-историческая составляющая событий реконструирована в достаточно полной мере; изучена политическая сторона деятельности руководящих органов РККА. На это были направлены усилия общественных организаций, объединявших ветеранов революционного движения, Гражданской войны и советского строительства, а также профессиональная деятельность научного сообщества СССР. С другой стороны, происходило конструирование мифов в отношении многих событий и персонажей с целью максимальной героизации периода зарождения советского государства, что влияло на образ эпохи.

Процесс изучения истории Гражданской войны в России неоднократно получал историографическую оценку. Первые публикации такого характера датируются ранними послереволюционными годами. После периода некоторого затишья в 1930-1940 гг. активизация историографической работы приходится на послесталинское время¹. В постперестроечные годы массовый поток монографий, диссертаций, не говоря уже о статьях в сборниках и журналах, побудил не одного исследователя предпринять усилия по историографической систематизации результатов научной деятельности по разработке этой проблемы². Эти работы

¹ *Владиславлев И.В.* Литература по истории Октября и гражданской войны // Пролетарская революция. 1924. № 10 (33). С. 240-267; *Фурманов Д.* Краткий обзор литературы (непериодической) о гражданской войне (1918-1920 гг.) // Там же. 1923. № 5. С.326-327; Пролетарская революция: Систем. и алфавит. указатель. М.: Госиздат, 1931; *Шелестов Д.К.* Советская историография гражданской войны и военной интервенции в СССР // Вопросы истории. 1964. № 2. С. 22-48; *Шерман И.Л.* Советская историография гражданской войны в СССР (1920-1931 гг.). Харьков: Харьк. гос. ун-т, 1964; Очерки истории исторической науки в СССР. В 5 т. Т. 4. М.: Наука, 1966; и др.

² *Бордюгов Г.А., Ушаков А.И., Чураков В.Ю.* Белое дело, основы, режимы власти. Историографические очерки. М.: Рус. мир, 1998; *Голдин В.И.* Россия в Гражданской войне: Очерки новейшей историографии. (вторая половина 1980-х – 90-е годы). Архангельск: Боргес, 2000; *Салов О.А.* Белое движение в гражданской войне на Юге России (ноябрь 1917 –1920 гг.). Историографическое исследование. Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 2007; *Скитина И.В.* Человек в условиях гражданской войны на Урале: историография проблемы. Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Тюмень, 2003; *Тормозов В.Т.* Белое движение в гражданской войне. 80 лет изучения. М.: Рос. всеобщ. энцикл., 1998; *Федюк В.П.* Гражданская война: новое прочтение

выявили тот факт, что Гражданская война не осталась только на страницах книг: сама современная историография этой войны оказалась расколотой на «красных» и «белых», что сделало ее чрезмерно политизированной³. Это лишний раз показало, что изучение данного конфликта в рамках политической и военной истории объективно продолжает детерминировать ту или иную степень раскола в обществе вообще и научном сообществе в частности.

Проявилась исчерпанность изучения некоторых тем в русле конкретно-исторического подхода. Примером может служить ситуация с полученными выводами о близости социального состава Красной армии и вооруженных формирований Белого движения, что не объясняет, а запутывает вопрос о причинах конфликта. Потребность в переформулировке проблем и знакомство с методологическими подходами мировой науки вызвали появление исследований в русле исторической психологии, истории повседневности, микроистории.

При этом не следует забывать тот факт, что разработка вопросов, близко примыкающих к проблематике и методологии данного исследования, имеет достаточно давнюю традицию в отечественной науке. Сразу же после окончания вооруженной борьбы с белыми в СССР началась работа по сбору документальных свидетельств об истории революционного движения. Тогда определилось два направления осмысления еще не остывшей истории: изучение деятельности выдающихся революционеров и дешифровка смысла поведения российского пролетариата. Как было сформулировано в предисловии к тому словарю Гранат, включавшему биографии деятелей СССР и Октябрьской революции, высокую ценность имеют автобиографии тех фигур, которые своей работой питали революцию; т.к. только из их жизненных впечатлений станут понятны движущие стимулы исторического процесса⁴.

старых проблем // Исторические исследования в России. Тенденции последних лет / Под ред. Г.А. Бордюгова. М.: АИРО-XX, 1996. С. 206-221; и др.

³ Бордюгов Г.А., Ушаков А.И., Чураков В.Ю. Указ. соч. С. 8-9; *Голдин В.И.* Гражданская война в России в современной историографии. С. 20, 22; *Отечественная история.* 2002. № 1. С. 207.

⁴ Деятели СССР и революционного движения России: Энцикл. словарь Гранат. Репринт. М.: Сов. энциклопедия, 1989. С. 347.

Интерес к субъективному фактору революции имел в это время особую актуальность в свете внешнеполитических задач большевизма. В те годы группа ученых под руководством А.М. Панкратовой (1897-1957) приступила к реализации проекта «Истории фабрик и заводов»⁵. Отмечая слабую разработанность вопроса о «социологическом типе русского рабочего класса и его отдельных отрядов», этот научный коллектив считал основными источниками для его изучения документы, исходящие от самих рабочих, и фабрично-заводские архивы⁶. Сбор материалов начался весьма активно при поддержке на самом высоком уровне, но к концу 1930-х гг. работа была свернута. Она потерпела фиаско из-за Большого террора, «изымавшего» одну за другой еще недавно популяризовавшиеся исторические фигуры, а также из-за усилий редакции «Истории фабрик и заводов» по выработке неуязвимого к неожиданным поворотам политической конъюнктуры шаблона публикаций, выхолащивавших первоначальный замысел проекта⁷. В целом, следует отметить, что в эти годы человеческая составляющая революции изучалась на предреволюционном материале, а борьба с белогвардейцами и интервентами была окрашена в исторических сочинениях в эпические тона неумолимого движения исторического процесса.

Второй подъем интереса к теме пришелся на 1960-е гг. и особенно полно проявился в спорах вокруг сборника «Российский пролетариат: облик, борьба, гегемония»⁸, а также монографии П.В. Волобуева⁹. В 1960-е гг., как и в 1920-1930-е гг. основанием исследований движущих сил революции была марксистская парадигма, но не в ее ортодоксаль-

⁵ Рыбников Н.А. Автобиографии рабочих и их изучение. Мат-лы к истории автобиографии как психологического документа. М.-Л.: Госиздат, 1930; XIII Международный конгресс исторических наук. Москва, 1970. Доклады. М.: Наука, 1973-1974. Т. 1. С. 1-6.

⁶ Цит. по: История пролетариата СССР. Сб. I. М.: Ин-т истории Комкадемии, 1930. С. 17.

⁷ См.: Журавлев С.В. Феномен «Истории фабрик и заводов»: горьковское начинание в контексте эпохи 1930-х годов. М.: ИРИ РАН, 1997. С. 73-77, 113, 154; Сидорова Л.А. Панкратова Анна Михайловна (1897-1957) // Историки России. Биографии. М.: РОССПЭН, 2001. С. 685-690.

⁸ Российский пролетариат: облик, борьба, гегемония. М.: Наука, 1970.

⁹ Волобуев П.В. Пролетариат и буржуазия России в 1917 г. М.: Мысль, 1964.

ном варианте, а понимаемая творчески, имеющая широкий взгляд на исторические процессы, отказывающаяся от ортодоксальности предшествующих исторических направлений. Авторы сборника «Российский пролетариат: облик, борьба, гегемония» находились крайне близко к тому отношению к марксистской традиции, которое продемонстрировала школа «Анналов»¹⁰. Несмотря на то, что стержнем историко-психологических изысканий было стремление проследить формирование революционного, социалистического сознания у недавних крестьян, послышки ученых встретили резкое неприятие у официальной науки. Ведь собранный материал подсказывал вывод о ложности многих фундаментальных положений ленинской теории в ее традиционной интерпретации. В связи с этим в научных кулуарах зазвучали обвинения авторов книги в меньшевизме.

Одним из участников авторского коллектива был ростовский ученый Ю.И. Серый (1922-1986). Его монография «Рабочие Юга России в период империализма. 1900-1913» содержала данные о процессах расслоения внутри пролетариата. Он определил металлистов как специфическую группу в его составе с преобладанием потомственных рабочих с высокой профессиональной квалификацией и грамотностью, в силу чего они были значительно более оплачиваемыми по сравнению с прочими слоями пролетариата¹¹. Вытекающий из книги, но не прописанный в ней вывод противоречил мнению В.И. Ленина об отсутствии рабочей аристократии, но зато объяснял поведение южно-российских рабочих в будущих революционных событиях.

Пресеченная в своем развитии на отечественной тематике социальная история нового типа, характеризующаяся интересом к субъективности, сохранилась в советской науке в работах, выполненных на

¹⁰ *Aguirre Rojas K.A.* «Анналы» и марксизм // Французский ежегодник. 2009. Левые во Франции. М.: Либроком, 2009. URL: <http://annuaire-fr.narod.ru/statji/Aguirre-Rojas-2009.html>.

¹¹ *Серый Ю.И.* Рабочие Юга России в период империализма. 1900-1913. Ростов н/Д.: РГУ, 1972.

европейском материале¹², а интерес к этому направлению питался переводами французских «анналистов», осуществленных благодаря фигуре одного из основоположников этого направления антифашиста Марка Блока и усилиям А.Я. Гуревича.

С наступлением нового историографического этапа произошло усиление интереса к субъективному фактору исторического процесса, поскольку не исчезла озабоченность по поводу того, насколько мало изучены движущие силы Русской революции¹³. Было осуществлено новое прочтение истории народнического движения, его мировоззрения и места в системе социалистических идей XIX в.; была проведена работа по реконструкции черт личности и коллизий судеб его представителей¹⁴.

В 1990-2000-е гг. в изучении истории дореволюционного пролетариата, несмотря на издание новых источников¹⁵, наступило длительное затишье, прерванное лишь столетием Первой русской революции и юбилеем одного из ведущих исследователей темы¹⁶. Был проявлен осо-

¹² Напр.: *Дилженский Г.Г.* Рабочий на капиталистическом предприятии. Исследование по социальной психологии французского рабочего класса. М.: Наука, 1969.

¹³ *Кириянов Ю.И.* Рабочие России на рубеже XIX-XX вв. // Отечественная история. 1997. № 4. С. 40-51; 40; *Его же.* Менталитет рабочих России на рубеже XIX-XX вв. // Рабочие и интеллигенция России в эпоху реформ и революций. 1861 – февраль 1917. СПб.: БЛИЦ, 1997. С. 55-76; *Полищук Н.С.* Обычаи и нравы рабочих России (конец XIX – нач. XX вв.) // Там же. С. 114-130; *Фирсов С.Л.* Рабочие и Православная Церковь в России в начале XX в. // Там же. С. 327-339; *Хеймсон Л.* К вопросу о политической и социальной идентификации рабочих России в конце XIX – начале XX в.: Роль общественных представлений в отношениях участников рабочего движения с социал-демократической интеллигенцией // Там же. С. 28-54; *Его же.* Меньшевизм и большевизм (1903-1917): Формирование менталитетов и политической культуры // Меньшевики в 1917 г.: В 3 т. М.: РОССПЭН, 1994. С. 20-54.

¹⁴ *Троицкий Н.А.* Крестоносцы социализма. Саратов: СГУ, 2002; *Дмитриева О.Н.* Новое о Степане Григорьевиче Ширяеве. Известия Саратовского ун-та. 2008. Т. 8. Сер. История. Международные отношения. Вып. 1. С. 83-91; *Шубин А.* Социализм. «Золотой век» теории. М.: НЛЮ, 2007; *Худолеев А.Н.* Социально-психологические аспекты в формировании мировоззрения П.Н. Ткачева. URL: <http://www.sciteclibrary.ru/rus/catalog/pages/7186.html>; и др.

¹⁵ Рабочее движение в России. 1895-февраль 1917 г. Хроника. В 16 кн. М.-СПб.: ИРИ РАН, 1992-2008.

¹⁶ Рабочие – предприниматели – власть в конце XIX – начале XX в.: социальные аспекты проблемы: Мат-лы V Междунар. науч. конф. Кострома, 23–24 сент. 2010 г. В 2

бый интерес к рабочему классу первого десятилетия советской власти, что выразилось в появлении двух сборников¹⁷. Обобщение результатов проделанной в 1990-2000-е гг. работы свидетельствует, что 1917 год не стал переломным для российского рабочего класса. Изменения в его массовой психологии в послереволюционное время почти не наблюдались. Преобладал тот же массовый слой, индифферентный и аполитичный, невосприимчивый к идеологической риторике, озабоченный лишь бытовыми и материальными проблемами. Среди социальных ожиданий доминировали традиционные представления, касающиеся улучшения материального положения. Вопреки марксистской идее о заданности пролетарского сплочения, рабочие не были склонны к совместным действиям. Организации создавались в рамках одного предприятия для решения чисто экономических проблем. Настроения рабочих характеризовались крайней неустойчивостью, причины перемены настроения отличались примитивностью. Эти выводы были крайне важны, поскольку подсказали вектор дальнейшего поиска «виновника» революции.

Впечатляют результаты работы современных историков – «деревенщиков», которым удалось показать русское село первой четверти XX в. разорванным между традицией и новациями, объясняя этот раскол иначе, чем было принято в рамках марксистской традиции, но и не в соответствии с взглядами А.В. Чаянова о несоциальной дифференциации крестьянства и его сопротивлении капиталистическому влиянию¹⁸. Появилось немало публикаций о крестьянских организациях,

ч. Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова, 2010; *Пушкарёва И.М.* Возвращение к забытой теме: массовое рабочее движение в начале XX в. // Отечественная история. 2007. № 2. С. 109-110; Леонид Михайлович Иванов: Личность и научное наследие историка. Сб. статей к 100-летию со дня рождения. М.: РОССПЭН, 2009.

¹⁷ Трудовые конфликты в Советской России. 1918-1929 гг. / Под ред. Ю.И. Кирьянова, У. Розенберга, А.Н. Сахарова. М.: Эдиториал УРСС, 1998; Питерские рабочие и «диктатура пролетариата». Октябрь 1917-1929. Экономические конфликты и политический протест. Сб. док. / Под ред. Е.И. Макарова, С.И. Потолова, У.Г. Розенберга, В.Ю. Черняева. СПб.: БЛИЦ, 2000.

¹⁸ Итоги работы этого направления отечественной истории со 2-й половины 1980-е гг. и до начала 2000-х гг. подведены в статье В.Л. Телицына «Бунтующий землепашец: 1917-1920 гг. Пути историографической идентификации проблемы» в сборнике «Граждан-

которые были инструментом реализации в послефевральский период того, что принято называть общинной революцией, имевшей и военно-организационную составляющую¹⁹. Исследовались социокультурные последствия аграрного перенаселения, урбанизации, разносистемности города и деревни, высокой скорости миграций, которые из-за болезненной адаптации жителей деревни к городским ритмам привели к развитию у них неизбежного стресса и как следствие индивидуальной и массовой социокультурной и социально-политической агрессии²⁰. По мнению О.А. Суховой, этические принципы русского крестьянства, которые она описывает в рамках концепции общинного архетипа, корродировали под давлением политического опыта 1905 г., реализации столыпинской реформы и военной повседневности 1914-1916 гг. Обманутые надежды на гармонизацию отношений с властью в послеоктябрьский период стали одним из факторов массовой социальной агрессии, парадоксальным образом в представлении крестьянства направленной на преодоление социальной энтропии, считает исследовательница²¹. Появились работы, изучающие крестьянский тип реагирования на про-

ская война в России. События, мнения, оценки. Памяти Ю.И. Кораблева» (М.: Раритет, 2002). С. 579-596.

¹⁹ *Бухараев В.М., Люшкин Д.И.* Российская смута начала XX века как общинная революция // Историческая наука в меняющемся мире. Вып. 2. Историография отечественной истории. Казань: КГУ, 1994. С. 48-61; *Люшкин Д.И.* 1917 год в деревне: общинная революция? // Революция и человек. Социально-психологический аспект. М.: ИРИ РАН, 1996. С. 118-125; *Погорелый Д.Н.* Земельные комитеты Тамбовской губернии 1917-1918 гг. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Тамбов, 2002; *Посадский А.В.* Военно-политические аспекты самоорганизации российского крестьянства и власть в 1905-1945 годах. Саратов: Науч. книга, 2004; *Сельцер Д.Г.* Крестьянское движение в губерниях Черноземного Центра России (март 1917 – март 1918 гг.): Дис. ... канд. ист. наук. Тамбов, 1990.

²⁰ Напр.: *Дьячков В.Л.* Труд, хлеб, любовь и космос, или О факторах формирования крестьянской семьи во второй половине XIX – начале XX в. // Социально-демографическая история России XIX-XX вв. Современные методы исследования. Матлы науч. конф., апр. 1998 г. Тамбов: Б.и., 1999. С.72-75.

²¹ *Сухова О.А.* Десять мифов крестьянского сознания: Очерки истории социальной психологии и менталитета рус. крестьянства (конец XIX – нач. XX в.) по материалам Сред. Поволжья. М.: РОССПЭН, 2008. С. 339-486, 546-581.

исходящее в годы вооруженного конфликта, чему помогла публикация ранее закрытых документов²².

Возможности широкой междисциплинарности продемонстрировал сборник «Антропология революции», отличающийся множественностью методологических подходов. Он включил в себя статьи о человеческой, субъективной основе исторических событий, с особым вниманием к эмоциональной составляющей происходивших переворотов, к превращению общественного слома в часть личной жизни²³. Авторы сборника поставили перед собой задачу реконцептуализации революции как события, основным содержанием которого является исторический перелом. Особый интерес вызвали аспекты преемственности предреволюционной и постреволюционной действительности; «коперниканские повороты» в сознании отдельного человека; вопрос о мере свободы человека от влияния культурной традиции и др.

Особую роль в развитии историко-антропологического направления играет издающийся с 1998 г. ежегодник «Социальная история». За счет публикаций в этом издании и выхода отдельных монографий наиболее изучаемой зоной оказалась советская повседневность 1920-1930-х гг.²⁴. Исследования, проведенные Н.Н. Козловой, Н.Б. Лебиной,

²² Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД. Док-ты и мат-алы / Под ред. А. Березовича, В. Данилова. В 4 т. Т.1. 1918-1922. М.: РОССПЭН, 2000; *Брянцев М.В.* Представления населения о коммунистах-большевиках в годы Гражданской войны (1918-1922 гг.) // Гражданская война в России (1917-1922 гг.): взгляд сквозь десятилетия. Сб. мат-лов науч. конф. Самара: Ас Гард, 2009. С. 96-101. *Курёнышев А.А.* Крестьянство России в период войны и революции 1917-1920 гг. // Вопросы истории. 1999. № 4-5. С.148-156; *Ахизер А.* Смута – это противостояние разных пластов культуры // Отечественная история. 1998. № 4. С.153-154; *Грациози А.* Большевики и крестьяне на Украине, 1918-1919 гг. Очерк о большевиках национал-социалистах и крестьянском движении. М.: АИРО-XX, 1997; *Яров С.В.* Комитеты деревенской бедноты в оценках крестьян (1918 г.) // Русская история: проблемы менталитета. Тезисы докладов науч. конф. Москва, 4-6 окт. 1994 г. М.: РАН ИРИ, 1994. С. 132-134.

²³ Антропология революции / Сб. статей. Сост. и ред. И. Прохорова, А. Дмитриев, И. Кукулин, М. Майофис. М.: НЛЮ, 2009.

²⁴ *Журавлев С. В., Соколов А. К.* Повседневная жизнь советских людей в 1920-е годы // Социальная история. Ежегодник. 1997. М.: РОССПЭН, 1998. С. 39-76; *Козлова Н.Н.* Горизонты повседневности советской эпохи: Голоса из хора. М.: ИФ РАН, 1996; *Косякова Е.И.* Городская повседневность Новониколаевска-Новосибирска в конце 1919 – первой половине 1941 гг.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Омск, 2006; *Лебина Н.Б.*

А.К. Соколовым и др., были направлены на изучение механизмов взаимокорреляции социальной эволюции человека и общества. Их основной источник личного происхождения: биографические нарративы, дневники и письма крестьян, городских служащих и рабочих, представителей партхозноменклатуры.

Среди немногочисленных работ по истории повседневности эпохи Гражданской войны наиболее известной является монография уральского ученого И.В. Нарского²⁵. Фокус исследовательского интереса направлен на многообразие способов адаптации и выживания в экстремальной обстановке, сложившихся в обывательской среде. Представленный материал свидетельствует, что деятельность низов общества вне зависимости от формально присвоенной им политической окраски управлялась одинаковыми мотивами и импульсами. Весьма часто эксцессы насилия возникали на почве сведения личных счетов и под влиянием соблазна безнаказанного самоуправства и не имели непосредственного отношения к политическим платформам противоборствующих лагерей. Восприятие происходящих событий и поведенческая реакция на них красноармейской массы, т.е. коллективного «человека с ружьем», остались за рамками исследования в связи с изначально поставленными автором границами своего интереса.

Круг вопросов, связанных с повседневностью (в широком понимании термина) послереволюционного вооруженного конфликта, рассматривался в отдельных выступлениях на научных конференциях и

Повседневная жизнь советского города в 1920-1930-е годы. СПб.: Нева; Летний Сад, 1999; *Ее же*. Теневые стороны жизни советского города 20-30-х годов // Вопросы истории. 1994. № 2; *Лебина Н.Б., Чистяков А.Н.* Обыватель и реформы. Картины повседневной жизни горожан. СПб.: Дм. Буланин, 2003; *Нормы и ценности повседневной жизни: Становление социалистического образа жизни в России. 1920-1930-е годы* / Ред. Т. Вихавайнен. СПб.: Нева, 2000; *Салова Ю.Г.* Детский досуг в Советской России (1920-е годы). Ярославль: Яросл. гос. ун-т, 2001; *Смирнова Т.М.* Социальный портрет «бывших» в Советской России 1917-1920 годов. (По материалам регистрации «лиц бывшего буржуазного и чиновного состояния» осенью 1919 г. в Москве и Петрограде) // Социальная история. 2000. М.: РОССПЭН, 2000. С. 87-126; и др.

²⁵ *Нарский И.В.* Жизнь в катастрофе. Будни населения Урала в 1917 – 1922 гг. М.: РОССПЭН, 2001.

публикациях в сборниках статей²⁶. В сборнике «Человек и война» отразился расширяющийся исследовательский интерес к военным периодам как времени, аккумулирующему не только конфликты и кризисы предыдущего развития, но и задающему векторы послевоенной жизни, а также к роли и «самочувствию» в войне обычного человека. Новое прочтение известного архивного материала добавило аргументов мнению об отсутствии принципиального различия в социальном составе противоборствующих сторон на примере Урала и Сибири. Много внимания авторы сборника уделили источникам мемуарного жанра. Близкое рассмотрение хода исторических процессов на уровне судьбы конкретного индивида показало, насколько противоположными и несовместными могут быть события, вызванные общим для них импульсом, поэтому и может казаться, что иных факторов, кроме каузальных (причинных), в истории быть и не может. Работа с эго-документами неизменно приводит исследователей к пониманию того, что человеческое поведение далеко не всегда поддается какому-либо партийно-политическому объяснению, что потенциально участником Белого движения мог стать каждый бывший житель империи вне зависимости от его социального положения в обществе, что высокие идеи растворялись в «личных мотивах» лиц, вовлеченных в события²⁷.

В последние годы появилась серия работ историко-психологического жанра, направленных на реконструкцию механизма формирования раннесоветских политических мифов, а также доминировавших в первые десятилетия советской власти общественных настроений и эмоций. Взаимодействию государственной идеологии, психологического климата раннего советского общества и традиционно чувствующего массового сознания посвящены монографии и статьи А.Я. Лившина и И.Б. Орлова, а также опубликованные ими сборники

²⁶ Человек и война (Война как явление культуры). Сб. статей. М.: АИРО-XX, 2001; Человек в российской повседневности: Сб. статей. М.: СТИ МГУ, 2001.

²⁷ Константинов С.И. Влияние взаимосвязи Мировой и Гражданской войн на психологический раскол российского общества // Человек и война. С. 181; Гончаров Г.А. Кризис жанра военных мемуаров // Там же. С. 371-375.

документов²⁸. Особенного внимания заслуживают книги, представляющие методiku и методологию исторического исследования в момент решения научной задачи. К этому типу публикаций относится монография Б.С. Илизарова, посвященная изучению пометок, сделанных И.В. Сталиным на страницах книг из личной библиотеки. В ней нашли апробацию методы анализа преломления сюжетов читаемых вождем текстов в комментариях²⁹.

Созданная в 1997 г. в Санкт-Петербурге Международная Ассоциация исторической психологии им. В.И. Старцева проводит ежегодные научные конференции по теоретическим и эмпирическим аспектам этого направления исследовательской деятельности. Круг интересов Ассоциации распространяется на нетривиальные виды исторических источников (не только дневники и воспоминания, но и, напр., детские игрушки), специфические сферы человеческой деятельности и коммуникации (напр., быт, террор, катастрофы, слухи). При всей неравноценности публикуемых материалов сборники конференций способствуют формированию широкого интереса к этой проблематике, обмену идеями и подходами, которые, по выражению одного из авторов, еще недавно предавались профессиональной анафеме, тем самым «приучая» научное сообщество к междисциплинарности и широкому научному кругозору. Участие в конференциях Ассоциации явно влияет на после-

²⁸ *Лившин А.Я., Орлов И.Б.* Власть и народ: «сигналы с мест» как источник по истории России 1917-1927 годов // *Общественные науки и современность*. 1999. № 2. С. 94-104; *Они же.* Власть и общество: диалог в письмах. М.: РОССПЭН, 2002; *Они же.* Революция и справедливость: послеоктябрьские «письма во власть» // 1917 год в судьбах России и мира: от новых источников к новому осмыслению. М.: РАН, 1998. С. 250-269; *Они же.* «Серп и молот на престоле»: Революция, власть и воля в российском менталитете // *Мнемозина: Исторический альманах*. Вып. 1. 1999. С. 117-131; *Они же.* Социологический анализ «писем во власть» (1917-1927 годы) // *Социологические исследования*. 1999. № 2. С. 80-88.; *Лившин А.Я.* Настроение и политические эмоции в Советской России. 1917-1932. М.: РОССПЭН, 2010; *Орлов И.Б.* Государство человеку – волк?: Власть в массовом сознании периода Октябрьской революции и гражданской войны // Академик П.В. Волобуев. Неопубликованные работы. Воспоминания. Статьи. М.: Наука, 2000. С. 470-482.

²⁹ *Илизаров Б.* Тайная жизнь Сталина. Портрет на фоне его библиотеки и архива (К исторической философии сталинизма). М.: Вече, 2002.

дующую научную биографию ученых, что можно проследить по общей тенденции изменения тематики публикаций авторов, причастных к ее работе: от конкретно-исторической – к социокультурной и историко-психологической³⁰.

В современной отечественной историографии осуществляются исследования историко-психологического жанра применительно к разным ключевым периодам отечественной истории и, в частности, временам военного противостояния (О.В. Дружба, Е.Ю. Зубкова, О.С. Поршнева). Расширение этого интереса воплотилось в оформлении военно-исторической антропологии и психологии как особого направления исторического знания, получившем обоснование в работах Е.С. Сеньявской³¹. В этих весьма непохожих исследованиях представлена впечатляюще сложная структура общественного сознания; факторы, формирующие его, и моменты воздействия на ход исторического процесса.

³⁰ См. напр.: *Еремеева А.Н.* «Пир во время чумы»: индустрия развлечений в несоветской России (1917-1920) // Клио. 2011. № 7 (58). С. 79-84; *Ее же.* Сатира и юмор времен гражданской войны (по материалам Юга России) // Клио. 1997. № 2. С. 133-140; *Ее же.* Ученый в условиях гражданского противостояния: стратегии выживания // Повседневный мир советского человека 1920–1940-х гг. Ростов н/Д: ЮНЦ РАН, 2009. С. 60-76; *Трошина Т.И.* Разрушение патриархально-семейных отношений и формирование «комплекса Ваньки Жукова» // Историко-психологический портрет семьи: Мат-лы XXIII Международной научной конференции. Ч. I. СПб: Нестор, 2008. С. 97-100; *Ее же.* «Жизненные истории» как пересечение научных интересов психологов, социологов и историков // Методология и методы исторической психологии: Мат-лы XXVI Международ. науч. конф., СПб, 14-16 дек. 2009 г. СПб: Нестор, 2009. С. 53-58; *Хлынина Т.П.* Устная история или «психология рассказанной жизни» в поисках метода // Методология и методы исторической психологии. С. 111-116; *Ее же.* Повседневный мир советского человека эпохи раннего тоталитаризма: от концептуального осмысления к жанру исторического комментария // Повседневный мир советского человека 1920–1940-х гг. С. 16-35; и др.

³¹ *Дружба О.В.* Великая Отечественная война в историческом сознании советского и постсоветского общества. Дис. ... д-ра ист. наук. Ростов н/Д, 2000; *Зубкова Е.Ю.* Общество, вышедшее из войны: русские и немцы в 1945 году // Россия: XX век: Другая война. 1939-1945. М.: РГГУ, 1996. С. 421-439; *Ее же.* Мир мнений советского человека, 1945-1948 (по мат. ЦК ВКП(б)) // Отечественная история. 1998. № 3-4; *Поршнева О.С.* Крестьяне, рабочие и солдаты России накануне и в годы Первой мировой войны. М.: РОССПЭН, 2004; *Сеньявская Е.С.* Военно-историческая антропология – новая отрасль исторической науки // Отечественная история. 2002. № 4. С. 135-145; *Ее же.* Литература фронтового поколения как исторический источник // Там же. 2002. № 1. С. 101-109; *Ее же.* Психология войны в XX веке: исторический опыт России. М.: РОССПЭН, 1999.

Появились первые работы, описывающие механизм реализации политического выбора активными слоями российского социума в революционный период³².

На последующие работы историко-антропологического направления оказали влияние монографии А.С. Ахиезера, В.П. Булдакова и Б.Н. Миронова³³. В работах Булдакова осуществлено изучение социально-психологического типажа революционера³⁴. Тип личности, активно заявившей себя в революции, автор отнес к так называемому диссипативному типу, т.е. склонному к разрушению. В эпоху «бури и натиска» такая личность приобретает целостность, которую она не имеет в мирное время. Но даже этот тип человека, не говоря уже о массовых слоях в кризисные, смутные времена особенно нуждается в засимволизированных действиях. Это помогает ему избежать индивидуальной ответственности, спрятавшись за массово признанную модель

³² *Ермоленко Т.Ф.* Красные комбатанты гражданской войны в России: формирование адаптационной идентичности // Гуманитарный ежегодник. Вып. 9 / Отв. ред. Ю.Г. Волков. М. – Ростов н/Д: Социально-гуманит. знания, 2010. С. 47-56; *Морозова О.М.* Влияние идентификационных процессов на ход гражданской войны на Северном Кавказе (1917-1921 гг.) // Этнокультурные технологии формирования российской идентичности в полиэтничном регионе. Мат-лы II Междунар. науч.-практ. конф., 24-27 сент. 2009 г. Краснодар: Альфа-Полиграф плюс, 2009. С. 501-508; *Ее же.* Пережить войну: рядовой состав вооруженных формирований периода Гражданской войны в России // Былые годы. 2009. № 4 (14). С. 28-45; *Трошина Т.И.* «Не ходил бы ты, Ванек, во солдаты...» // Личность. Общество. Государство. Проблемы развития и взаимодействия. Мат-лы Всерос. науч.-практ. конф. XX Адлерские чтения. 7-11 окт. 2011 г. Краснодар: Традиция, 2011. С. 289-291.

³³ *Ахиезер А.С.* Россия: Россия: критика исторического опыта (социокультурная динамика России). Новосибирск: Сибир. хронограф, 1997; *Булдаков В.П.* Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. М.: РОССПЭН, 1997; *Миронов Б.Н.* Социальная история России периода Империи (XIX – начало XX вв.). Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства: В 2 т. СПб.: Дм. Буланин, 1999.

³⁴ *Булдаков В.П.* Деструкция личности революционера в России, 1920-е гг. // Человек и личность как предмет исторического исследования: Россия (конец XIX - XX в.): науч. доклады / Междунар. colloquium «Человек и личность как предмет исторического исследования: Россия (конец XIX – XX в.)», 7-10 июня 2010 г. СПб.: Нестор-История, 2010. С. 73-85; *Его же.* К изучению психологии и психопатологии революционной эпохи (Методологический аспект) // Революция и человек, социально-психологический аспект. М.: ИРИ РАН, 1996. С. 4-17.

поведения. Этому аспекту послефевральской истории посвящены работы Б.И. Колоницкого. Была установлена радикализирующая роль революционных символов, которые из цели массовых действий быстро превращались в провоцирующий элемент общественных настроений³⁵. Исследователь не ставил перед собой задачу рассмотреть развитие революционной символики и дискурса, относящегося к 1918-1920 гг.

Идея понимания эпохи революции сквозь призму языка принадлежит А.Ф. Селищеву, работавшему в 1920-е гг. Большинство современных публикаций о формировании нового революционного языка рассматривают этот процесс на материале периода строительства советского государства 1920-1930-х гг. и тоталитарной системы³⁶. Обделена исследовательским вниманием речь простонародья во время революции и Гражданской войны. Иногда проявляется интерес к большевистской газетной риторике, но никто еще не обращал внимания на речь представителей лагеря контрреволюции в годы войны.

Мейнстрим западной русистики представлен исследованиями различных социальных и политических аспектов Белого движения и Гражданской войны, использовавших в качестве основного документального ресурса огромный массив белоэмигрантских мемуарных коллекций. На ход исследований оказывали сильное влияние исход борьбы и характер установившегося политического режима, истоки которого они и стремились понять. Это сказывалось не только на исследовательской позиции, содержании работ, но и на названии книг, например: «Красная атака, белое сопротивление. 1917–1918» П. Кенеза незамедлительно указывает на смысл конфликта. Поэтому новаторски прозвучало в 1972 г. мнение Р. Уорса о том, что причины победы красных бу-

³⁵ Колоницкий Б.И. Символы власти и борьба за власть: к изучению политической культуры российской революции 1917 года. СПб.: Дм. Буланин, 2001; *Его же*. Погоня и борьба за власть в 1917 г. СПб.: Остров, 2001; *Figes O., Kolonitsky B.* Interpreting the Russian Revolution: The Language and Symbols of 1917. New Haven; London, 1999.

³⁶ Мокшенико В.М., Никитина Т.Г. Толковый словарь языка Совдепии. СПб.: Фолио-Пресс, 1998; Маркштейн Э. Советский язык и русские писатели // Вопросы литературы. 1995. № 1. С. 98-112; Кронгауз М.А. Бессилие языка в эпоху зрелого социализма // Знак: Сб. статей по лингвистике, семиотике и поэтике памяти А.Н. Журинского. М.: Рус. учеб. центр, 1994. С. 233-244; и др.

дут яснее, когда будет больше известно о внутренней жизни Красной армии, ее командирах, ее экономической и социальной основе, о различных партизанских группах, о менее известных командирах белых армий и лидерах нерусских национальностей³⁷.

Зарубежная историография, близкая к тематике данной диссертации, представлена относительно небольшим числом работ. Публикации Д. Дж. Рейли знакомят с проведенным комплексным исследованием политической культуры и массовой психологии российского провинциального социума³⁸. В них представлена динамическая картина формирования советской политической традиции, ставшей суммой опыта преодоления разнохарактерных кризисов и конструирования идеологических символов при существенном влиянии традиционных социокультурных стереотипов.

Статья Л. Хереца, основанная на эмигрантских воспоминаниях, посвящена знаковой, символической стороне мышления и поведения узкого слоя первых добровольцев – интеллигентской молодежи³⁹. Предметом анализа стал тонкий момент взаимодействия культурных образов и задач текущей ситуации, итогом которого стало специфическое добровольческое мировоззрение.

Английский исследователь О. Файджес был одним из первых западных ученых, получивших возможность работы в советских архивах. Знакомство с документацией сельских и районных (волостных) советов Поволжья позволило ему детально показать автономный характер аграрной революции 1917-1918 гг., содержание которой состояло в стремлении к обособлению от внешнего мира для реализации исконных крестьянских представлений о справедливом жизнеустройстве. Волне

³⁷ Цит. по: *Бордюгов Г.А., Ушаков А.И., Чураков В.Ю.* Указ. соч. С. 163.

³⁸ *Raleigh D. J.* *Experiencing Russia's Civil War: Politics, Society, and Revolutionary Culture in Saratov, 1917–1922.* Princeton University Press, 2002; *Рейли Д. Дж.* Революционное слово как оружие, или Как язык довел саратовских большевиков до власти // Диалог со временем: Альманах. Вып. 14. М.: URSS, 2005. С. 162-176; *Его же.* Политические судьбы российской губернии: 1917 год в Саратове. Саратов: Слово, 1995; и др.

³⁹ *Heretz L.* *The Psychology of the White Movement // The Bolsheviks in Russian society. The Revolution and Civil Wars / Ed. by V.M. Brovkin.* Yale University Press. New Haven & London, 1997. P. 105-121.

возвратной миграции в деревню из города и с фронта принадлежит роль разрушителя и патриархальности, и внеполитичности, и замкнутости сельского мира⁴⁰. Следующая его книга «People's Tragedy: Russian Revolution. 1891-1924» (1996) объединяет два самых плодотворных подхода к изучению поворотных моментов истории – широкий хронологический интервал и соединение повествования об общественных событиях и судьбах заметных и неизвестных личностей той эпохи. Поэтому она и получила свою порцию критики якобы за придание чрезмерного значения индивидуальности и «случайной цепочке событий» наряду, однако, с широким читательским признанием. В этой книге представлена одна из версий того, что считать первым перекрестком, на котором Россия сделала шаг по направлению к революционному кризису. Файджес считает таковым голод 1891 г., который начал процесс политизации русской деревни.

Итак, правомерен вывод о том, что изучение истории Русской революции и Гражданской войны в историко-антропологическом ключе находится в самом начале своего становления. Большинство поставленных в монографии вопросов не получили еще своего разрешения в науке.

Источниковой базой диссертации являются документы из более чем семидесяти фондов 22-х центральных и региональных архивохранилищ, а также нескольких личных архивов, среди них: Государственный архив Российской Федерации, Российский государственный архив социально-политической истории, Центральный государственный архив Московской области, Центральный государственный архив Республики Северная Осетия – Алания, Национальный архив Республики Карелия, Национальный архив Республики Калмыкия, Национальный архив Республики Адыгея, Центр документации новейшей истории Ростовской области, Государственный архив Архангельской области,

⁴⁰ Файджес О. Крестьянские массы и их участие в политических процессах 1917 – 1918 гг. // Анатомия революции. 1917 год в России: Массы, партии, власть / Отв. ред. В.Ю. Черняев. СПб.: Глагол, 1994. С. 231; Figes O. Peasant Russia, Civil War: The Volga Countryside in Revolution, 1917-1921. Oxford: Clarendon Press, 1989.

Государственный архив Саратовской области, Государственный архив Ростовской области, Центр документации новейшей истории Краснодарского края, Научный архив Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований им. В.И. Абаева, Научный архив Карельского научного центра РАН, Архивное собрание Дома Русского Зарубежья им. А.И. Солженицына и др.

Среди хранящихся там документов предпочтение отдавалось документам личного происхождения – записям воспоминаний участников революции и Гражданской войны, осуществленных в рамках работы научных учреждений; собранных в результате деятельности Комиссии по истории Октябрьской революции и ВКП(б) (Истпарта), а также комиссий помощи демобилизованным красноармейцам и бывшим красными партизанам (1920-1935); письмам и дневникам того периода; документации советских и белогвардейских учреждений низового уровня 1918-1920 гг. В соответствии с принципом системности и целостности решения задач научного познания наряду с документами личного происхождения использованы источники других видов – текущая документация и распоряжения властных органов разных уровней, войсковых частей, газетные и агитационные материалы.

Методы исследования. Исследование выполнено на основании разнохарактерных источников, что предполагает определенное многообразие методов работы с ними. Традиционные методы – историко-генетический, историко-компаративный, структурно-функциональный, каузоцентрический (как способ биографического анализа), лексикографический метод и метод социально-культурной идентификации авторов текстов – соседствуют с междисциплинарным, объединяющим в себе широкий спектр общенаучных методов и методов других социальных и гуманитарных наук, использованных с учетом специфики исторических источников и исследовательских задач. Принципиальным требованием при выработке собственной исследовательской методики была корректность интерпретации при учете субъективности источников. Важнейшим из исторических методов диссертации стал такой спо-

соб критики источников, как включение их в хронологический или синхронный ряд с другими документами.

Научная новизна предпринятого автором исследования определяется, прежде всего, тем, что приложение историко-антропологического подхода к истории российского революционного движения, Русской революции и Гражданской войны 1917-1920 гг. только начинается, обеспечив немалое неизученных зон.

1. В ходе разработки положений частной методологии исследования получила обоснование правомочность широких обобщений в области массовых представлений на основе индивидуальных свидетельств. Основанием стали теории Э. Дюркгейма, Г. Лебона, Л.С. Выготского, У.И. Томаса – психологов-экспериментаторов и социологов, работавших с массовыми выборками и признававших диагностический характер индивидуального сознания как источника и одновременно отражения коллективных представлений и переживаний. В диссертации описаны авторские методы работы с различными категориями документов личного происхождения; формализованы признаки текста, принадлежащего «добросовестному автору». Рекомендованы дополнения к существующему понятийно-категориальному аппарату в сфере классификации этой категории документов.

2. Значительная часть выявленных в архивохранилищах и использованных в исследовании документов впервые введена в научный оборот. В наибольшей степени это касается фондов, образованных деятельностью региональных комиссий помощи демобилизованным красноармейцам и бывшим красным партизанам, а также рукописных документов периода Гражданской войны, принадлежащих участникам Белого движения, обнаруженным в провинциальных архивах. С новых позиций рассмотрены материалы из региональных фондов Истпарта. Хотя ветеранские воспоминания из этих коллекций активно использовались в работах советского времени, это было крайне избирательное и достаточно тенденциозное прочтение. Многие, наиболее самобытные свидетельства в связи с неортодоксальностью содержания остались без цитирования и обобщения.

3. Осуществлен сравнительный анализ большого числа биографических и автобиографических текстов с целью выявления факторов, способствовавших приобщению человека к оппозиционной деятельности; а также помогавших избежать увлечения радикальными идеями.

4. Была доказана особенная роль слоя полуинтеллигентов в деятельности оппозиционных кружков предреволюционного периода и в формировании вооруженных отрядов, ставших основой будущих противоборствующих армий. Было показано, что в условиях кризиса социальной идентичности люди, рожденные в разных сословных средах, переходили к активному поиску новых стандартов жизнеустройства, и революционность была одним из них.

5. На обширном мемуарном материале показаны условия, способствовавшие вовлечению россиян в вооруженный конфликт, а также факторы размежевания, в результате действия которых потенциальный комбатант оказывался на стороне большевиков или их противников. Среди них – деятельность мобилизационных комиссий, в которой ярко отразился организационный потенциал всех армий, а также формы приспособления населения к государственному насилию. Продемонстрирована особенная роль фронтовиков на начальном этапе Гражданской войны.

6. На основе синхронных документов была осуществлена реконструкция мировоззрения белого офицерства, которая отличается от обобщений, сделанных другими исследователями, использовавшими эмигрантские мемуары. Исследован противоречивый комплекс мнений об офицерах старой армии, пошедших на службу в РККА, – от отзывов современников и оценок ученых до суждений самих красных офицеров. Показана важность определенных качеств личности командира как фактора вовлечения в вооруженный конфликт и гаранта сплочения вокруг него подчиненных.

7. Впервые осуществлено компаративное исследование поведения жителей нескольких регионов страны, которые отличались между собой природно-географическими условиями, сословно-этническим

составом народонаселения, культурными традициями и уровнем экономического развития.

8. По обрывочным сведениям были реконструированы прогностические ожидания россиян, принадлежащих к противоборствующим лагерям, в годы Гражданской войны.

9. В диссертации собран материал об организационных методах и результативности агитационно-пропагандистской деятельности белых и красных; проведен контентный анализ нескольких газет того периода.

10. В исследовании впервые учитывается взаимовлияние военных событий и перипетий частной жизни комбатантов, а также тифозной пандемии в 1918-1920 гг.

11. Были рассмотрены языковые, ритуальные и иные семантические новации, появившиеся в 1918-1920 гг. Некоторые из них впервые были проанализированы в качестве адаптивных практик. Сделан вывод о том, что возникновение новых символов в лагерях революции и контрреволюции носило практический и идеологический характер и отражало поиск смысла новой идентичности.

Положения, выносимые на защиту:

1. Концепция, сформулированная в диссертации, заключается в том, что историко-антропологическое исследование, объединяющее тематику истории повседневности и исторической психологии, микроистории и институциональных феноменов, наиболее эффективно решает те проблемы истории, которые раньше казались слишком зыбкой зоной для научного обобщения: смутный мир массового сознания; мотивационная составляющая поведения индивида; неписанные коллективные идеи, ценности и общественные практики; малый жизненный мир рядового человека, чей исторический потенциал, казалось бы, слишком мал, чтобы влиять на глобальные события. К проблематике исторической науки были адаптированы социологические и психологические концепции и восприняты вместе с характерной для них терминологией. Именно интеллектуальная атмосфера этих наук в большей степени, чем история, позволяет рассмотреть в человеке прошлого активно действующего субъекта и предположить потенциальную вари-

бельность его поведения. Документы личного происхождения, составившие основу исследования, представляют большую научную ценность, являясь носителем информации не только о субъективной, эмоционально-ментальной стороне деятельности отдельных людей, но и об особенностях массового поведения социальных групп, а также содержат субъективно окрашенную, но часто достоверную картину исторического прошлого. Многие вольные и невольные погрешности вполне могут быть выявлены методами научной критики источников.

2. На основе обширного биографического материала сделан вывод о том, что существовал достаточно пространный, но вполне конкретный перечень факторов, способствовавших переходу человека к оппозиционной деятельности; что имелись альтернативные варианты для реализации тех же побудительных мотивов, которые толкали на путь антиправительственной борьбы; что складывание ситуации, оканчивавшейся радикализацией индивида, зависело от факторов гетерогенного характера. За десятилетия своего существования оппозиционность приобрела роль универсального варианта действий в ситуации неблагополучия, которую раньше выполняли отъезд за границу, уход в монастырь или самоубийство.

3. Революционность основных потенциально чувствительных к ней слоев (интеллигенции, рабочего класса и крестьянства) часто не совпадала по времени, что являлось одним из факторов торможения социального конфликта. К началу Первой мировой войны ситуация характеризовалась снижением антиправительственной активности интеллигенции (прежде всего, радикальной левого толка и либеральной за исключением политической элиты центристских партий) и пролетариата, но стабильность крестьянского мира все более разрушалась внутренними кризисными явлениями и процессами индустриализации и урбанизации. Цикличность экономики сказывалась на смене периодов процветания и упадка в судьбе рядового человека, от чего особенно страдали недавние выходцы из деревни. Кризис обманутых надежд выразился в назначении виновными властей и всех вышестоящих клас-

сов, которым приписывалась целенаправленное противодействие эмансипации низов.

4. Важную роль в эскалации конфликта сыграл слой полуинтеллигентов – унтер-офицеров и офицеров военного времени обер-офицерских чинов, выдвинувшихся на фронтах Первой мировой войны. Этот вывод распространяется и на тех, кто участвовал в создании Красной армии, и на тех, кто последовал призыву лидеров Белого движения.

5. На позиционирование основной массы первоначально пассивного в событиях населения страны повлияло существование давних разнохарактерных конфликтов, скатывание провинции в состояние безвластия, опыт взаимодействия с одной из сторон конфликта, переход территории из рук в руки, преследования заподозренных в сочувствии к враждебному лагерю. Углублению конфликта способствовало само возникновение офицерских контрреволюционных организаций. Сформировавшиеся на их основе белые армии приняли на себя негодование уставших от войны и экономического кризиса масс: в их глазах белые были и причиной, и зачинщиками войны. Без них большевикам было бы трудно объяснять свои собственные просчеты. Своим существованием белогвардейцы, стремившиеся достигнуть цели малоэффективными средствами, обеспечили рекреационный период для обретения большевиками опыта управления и сбора массовой партии сторонников. В ином случае большевики оказались бы один на один с массовым недовольством населения разрушенной страны, без армии, без советского аппарата, без идеологического обеспечения и пр. Но офицерские организации не могли не появиться, поскольку советские методы сразу сформировали лагерь несогласных.

6. Одной из причин красного террора в период так называемой первой советской власти было представление о том, что препятствие для торжества социализма заключается в узкой группе «контрреволюционеров», физическое уничтожение которых («санация страны») открывает путь для социалистических преобразований. Только после того, как было осознано, что несогласных гораздо больше, чем согласных, и

что с этой многомиллионной массой надо как-то договариваться, представления об универсальности террора как эффективного средства решения задач социального переустройства сменились более гибкой политикой, более-менее последовательно осуществлявшейся в течение 1919-1920 гг. Изменение практики государственного насилия по отношению к «контрреволюционным» слоям четко прослеживается по синхронным документам.

7. Российская империя представляла собой по терминологии Ю.И. Семёнова единый геосоциальный организм, поэтому, несмотря на одновременное включение территорий в состав империи и наличие центробежных сил, реакция регионов и этносов на ослабление центральной власти страны выразилась не только в сепаратистских, но и сильных центростремительных взаимодействиях. Участие представителей окраинных этносов в общероссийских событиях было массовым и активным, ставившим целью решение задач национального развития. На внешнее поведение представителей региональных социумов оказывали влияние стереотипы мышления и действия, традиционные для существовавших локальных культур, при сугубо практическом и актуальном содержании целеполагания. Этим объясняются многие специфические черты Гражданской войны в различных частях России.

8. Сторонники Белого движения и советской власти примерно в одинаковой степени испытывали уверенность в своей победе, но ментальный механизм этой уверенности был различным. В противовес достаточно распространенному мнению о чувстве обреченности и фатализма белого офицерства, которое сопровождало их борьбу с большевиками, выявлено присутствие у них уверенности в недолговечности советской власти, которая вызывала достаточно легкое отношение к своим поражениям как событиям частного порядка, не влияющим на конечный результат борьбы. Если факт победы большевизма противоречил миропониманию белогвардейцев, то красные верили в свою победу под влиянием пропаганды и действия защитного психологического механизма, который блокировал мысли о проигрыше.

9. Восстановленные по документам коллизии судеб лиц, оставшихся письменные записи интимного содержания, позволяют судить, что соображения личного характера, причем не обязательно меркантильные, влияли на конкретные поступки человека и на его глобальное позиционирование в революционных событиях.

10. С учетом того, что Гражданская война проходила при чередовании побед каждой из основных противоборствующих сторон, а фронтовая война сменилась волной повстанчества, выдвигается тезис о том, что прекращение войны связано с исчерпанностью психоэмоциональных, не говоря уже о физических, ресурсов нации в результате «долгой войны» 1914-1920 гг.

11. Природные и естественные процессы (климатические аномалии, эпидемии) влияли на ход военных действий. Если пик заболеваемости тифом в Красной армии пришелся на зиму 1918-1919 гг., то у ВСЮР – на зиму 1919-1920 гг., что влияло на боеспособность армий.

12. Происходившие в изучаемый период изменения структуры языка должны были облегчить процесс политического позиционирования и идентификации людей – членов еще недавно общей этнокультурной среды, а также средством маскировки обычно табуированных действий. Под влиянием военных и политических событий изменялся внешний вид и символика предметов повседневного обихода и прежде всего одежды. Тенденции этих изменений отражают важные смыслы той эпохи. Так, мода на одежду курсантов военно-технических школ и курсов стала следствием особой роли и влияния унтер-офицерства и прапорщиков в вооруженных формированиях всех направлений.

Практическая и научная значимость осуществленного исследования. Обширный фактический материал из малоизвестных, часто рукописных архивных фондов, ранее не привлекавшийся в качестве основы для научных обобщений, данным исследованием вводится в научный оборот.

Полученные выводы могут быть использованы при изучении и преподавании поздней имперской и ранней советской истории, а также

для разработки лекционных курсов, спецкурсов, учебников по отечественной истории и источниковедению отечественной истории.

Положения диссертации, связанные с обнаружением влияния естественно-природных явлений на ход политических процессов, могут стать толчком для дальнейшего изучения взаимосвязей природы и социума применительно к новейшей истории России.

Учитывая, что история служит основой самоидентификации индивидуума, полученное профессиональное историческое знание может помочь лучше понять природу и характер существующих социальных связей внутри современного социума, несмотря на временной разрыв почти в сто лет.

Содержание диссертации говорит о том, что у России была возможность миновать такой исторический перекресток, как революция 1917 г., однако этот вариант не был реализован по вине властей, правых и центристских политических сил, которые не проявили достаточного понимания того, что нужно использовать и направлять социальную энергию новых активных социальных групп. Это историческое поражение власти, замкнутой на себе.

Апробация результатов исследования. Основные результаты диссертационного исследования были представлены на 24 научных конференциях, из них 11 – международных, в том числе: «1920 год в судьбах России и мира: апофеоз Гражданской войны в России и ее воздействие на международные отношения» (Архангельск, 27-28 апр. 2010 г.); «Гражданская война на Юге России: новые взгляды, подходы, документы» (организаторы – Научный совет по истории социальных реформ, движений и революций РАН; Фонд русской истории (Нидерланды), Ростов н/Д., 3-4 июня 2010 г.); IX конгресс этнологов и антропологов России (Петрозаводск, 5-8 июля 2011 г.); 5 – всероссийских; 5 – межрегиональных; 3 – региональных. По теме исследования автором подготовлено и опубликовано 40 статей и докладов, из них 13 (общий объем 10,2 а.л.) в периодических изданиях из списка ВАК; также – три монографии общим объемом 54,0 а.л.

II. СТРУКТУРА И ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

Структура диссертации и объем глав определяются поставленными в исследовании целью и задачами. Особенность ее проблематики привела к отказу от традиционного для истории хронологического принципа построения материала и замене его проблемно-тематическим. Текст работы состоит из введения, четырех глав, заключения, перечня архивных фондов, списка опубликованных источников и литературы.

Во **«Введении»** обоснованы актуальность темы, цель и задачи исследования, его методологические основы, хронологические и территориальные рамки; охарактеризована степень изученности проблемы; сформулированы тезисы, заключающие в себе новизну исследования, и основные положения, выносимые на защиту.

В **1-й главе «Теоретико-методологические и источниковые аспекты исследования»** охарактеризованы исторические, социологические и психологические теории, выполняющие общеметодологическую функцию в историко-антропологическом исследовании. Высказано мнение, что состоявшееся широкое обсуждение итогов парадигмального сдвига, усиленного существованием постмодернистских теорий, положительно сказалось на осознании потенциальных зон риска при интерпретации документов. Были описаны положенные в основу работы принципы познавательной деятельности, в том числе представление о соотношении логических и интуитивистских практик в исследовании, опирающееся на суждения Л. Витгенштейна.

Была сформулирована микрометодологическая концепция, основанная на позиции, что именно жанр исторической антропологии позволяет наиболее плодотворно изучить роль массового индивида в историческом процессе. Потребовали своего обоснования параметры репрезентативности корпуса источников, привлеченных к работе над данной темой. Исследования исторических форм мотивации деятельности за счет близости к «полевой» социологии могут применять приемы, аналогичные некоторым методам формирования выборочной совокупности. Используемый в диссертации комплекс источников определенно

сложился в результате процессов, близких к случайной выборке, которую заменили исторические обстоятельства, позволившие одним документам сохраниться и заставившие исчезнуть другие. С учетом соотношения общей массы документов, с которыми пришлось познакомиться, и действительно информативными источниками среди их числа, то доля последних в разных архивных собраниях около 3-15%.

И в то же время, когда речь идет о молчаливой массе, ценны единичные свидетельства, которые могут быть распространены на всю общность или ее часть, поскольку характер и интересы людей, живущих в похожих общественных условиях, имеют много общего. По Э. Дюркгейму в области представлений отличия между индивидом и социумом не столь уж глубоки. Коллективные представления выходят за пределы элементарного сознания. Оформляясь, избавляясь от случайного, они становятся более четкими, «сборительными», и тогда безошибочно начинают связываться с группой людей, породившей его. Одно из объяснений этого явления предлагается теорией развития личности Л.С. Выготского: человек – это результат взаимодействия врожденных и приобретенных качеств, привнесенных воспитанием и общественным окружением; из социальной среды он заимствует как раз ментальные стереотипы.

Междисциплинарность является основным эпистемологическим принципом данной работы, что проявилось в заимствовании историей методик, разработанных социальными науками – методик наблюдения и глубинного анализа отдельных индивидов, небольших групп и ситуаций и даже психоаналитические методы. По мнению Э.Дж. Хобсбаума это должны быть аналоги этих методик, видоизмененные для области истории. На идеях феноменологической социологии А. Шюца и Г. Гарфинкеля основывается изучение характерных типажей эпохи. Пониманию индивидуализации исторического процесса способствуют теории, описывающие роль случайностей и эмоций в поведении людей (М. Вебер, Г. Баттерфилд, Ф. Хайдер). Анализ влияния деятельности практики предшествующего периода на общественный и личный опыт человека проходил с учетом теорий Э. Дюркгейма, М. Гальб-

вакса, Ш. Блонделя. О влиянии человеческой субъективности на поведение людей и соответственно на объективный мир писали У.И. Томас и М. Вебер. Для наиболее точного истолкования документов личного происхождения пришлось прибегнуть к такой дисциплине как психология свидетельства, которая позволяет решить вопрос о степени добросовестности автора, достоверности информации и природе допущенных искажений. Взгляд на историческое свидетельство как на явление, испытавшее влияние не только культурных, но психических процессов, сказался в использовании психологических теорий памяти – закон забывания Г. Еббингауза, феномен Б.В. Зейгарник и пр.

Опыт работы с документами личного происхождения вызвал необходимость четкого оформления различия источников, созданных одновременно с событиями и некоторое время после них, поскольку каждая из этих групп требовала особых приемов критики в связи с пониманием специфики мотивации автора и обстоятельств написания. Предложено наряду с существующим термином «синхронные источники» использовать понятие «деферативные источники» в отношении документов личного происхождения, созданных после того, как эпоха, о которой они свидетельствуют, ушла в прошлое. Синхронные источники включают информацию первого порядка, соседствующую с минимальным осмыслением происходящего. Их содержание сводится к фиксации событий и косвенному отражению непосредственных реакций на них. Их отличает ряд специфических признаков: несвязность сюжетов, спонтанность реакций, противоречивость оценок окружающего мира, отсутствие расшифровки имен и названий; широко типична анонимность и сомнительность авторства дневников и писем. На первый взгляд выглядит парадоксальным то, что в работе с первичными источниками синхронного происхождения увеличивается роль исследовательской субъективности. Это связано с тем, что в работе с этими документами требуется больший объем интерпретационных усилий в направлении реконструкции исторического контекста и восполнения недостающей информации. Выстраиваемая информационная модель сообщения обладает известной степенью условности в связи с тем, что

ее параметры зависят от полноты сведений. Будь их немного больше или немного меньше, то модель была бы уже несколько иной.

Деферативные источники в значительно большей степени, чем синхронные, испытывают влияние внешних по отношению к непосредственным впечатлениям факторов, главным из них является влияние последующего жизненного опыта и знание «конца истории». Это влияет и на отбор фактов, и на их интерпретацию. В мемуарах в отличие от дневников присутствует категория памяти – изменчивая стихия, избирательная и непредсказуемая. В мемуарах фиксируется переосмысленное прошлое: человек решает, что достойно забвения, а ретроспективные оценки могут быть в высшей степени обманчивы. Для различных категорий мемуаристов определены характерные особенности трансформации памяти о прошлом. Накопленный личный опыт работы с нарративными документами позволил формализовать признаки «добросовестного автора», имеющего исходное намерение извлекать из памяти подлинные воспоминания, а не умышленно сочинять искусственные истории. В этом случае информация может иметь неосознанные искажения, которые вполне могут быть установлены приемами критики источников с использованием всей палитры доступных методов.

В ходе работы над документами личного происхождения пришло понимание того, что необходима классификация личных дневников в зависимости от характера содержащейся информации: контекстные – с включенным в них описанием происходящих вокруг человека событий, и исповедальные – реализующие человеческую потребность сформулировать наиболее сокровенные мысли и чувства, несущие наиболее полную информацию о мировоззренческих и психологических особенностях человека.

Во 2-й главе *«Человек в вооруженных формированиях времен Гражданской войны»* – наиболее объемной из глав диссертации – многоаспектно описана роль основных социальных групп, проявивших себя в событиях 1917-1920 гг.: солдат-фронтовиков, унтер-офицеров, офицеров мирного и военного времени, инородцев и беженцев, сде-

лавших в этом конфликте выбор в пользу большевиков или их противников.

В войне сошлись как минимум две системы представлений о необходимых действиях и об образах общества в целом. Одна исходила из необходимости его стабилизации и сохранения, другая требовала преобразований. Каждая из них соответствовала некоторым аспектам реальности, но особого и отдельного разговора потребовала не традиционалистская линия, а революционистская.

На основании воспоминаний участников ранних этапов оппозиционного движения, авторы которых часто пытались разобраться в причинах своего выбора, выявлены возможные факторы как длительного, так и мгновенного действия, которые повлияли на переход человека в протестный лагерь. Перечень факторов, упомянутых в этой связи, включает воздействие окружения – семьи, гимназической или студенческой среды; трагические обстоятельства поры взросления; душевные потрясения, вызванные конфликтами, обидами или моментами высокого эмоционального подъема; интуитивные поиски пути наибольшей реализации собственного потенциала; отсутствие достаточного числа примеров успешных биографий людей, которые обладали бы в глазах молодежи моральным весом; появление благодаря реформам независимых от родительской воли вариантов жизненного пути. Автобиографические тексты показали, что внешне одинаковые по социальным признакам люди выбирают разные системы ценностей, и причина этого в сложении факторов, простимулированных причинами каузального характера. Конфликтный оттенок ставшего ключевым эпизода определял выбор в пользу оппозиционности. При иной комбинации факторов выбор мог быть сделан в пользу других форм социальной активности, например, предпринимательской, научной или общественной деятельности без ухода в оппозиционный лагерь.

Материал, собранный в отношении представителей национальных меньшинств Российской империи, показал, что фактор сосуществования в ней народов, живущих в разном историческом времени, находящихся на разных этапах социального и государственного разви-

тия, привел к тому, что в целях национальной интеллигенции произошло наложение задач разной исторической перспективы. Это сказалось на эклектизме их мировоззрения, который вызвал энергичный поиск подходящей для решения собственных задач внешней (по отношению к этносу) политической силы.

Отбор путей национального становления у невеликорусской по происхождению интеллигенции приводил ее в стан радикальных партий, поскольку всякое внимание к этнической специфике считалось проявлением нелояльности. Общность многих внешних характеристик и этапов биографии представителей национальных элит, занявших разную позицию в революции и последовавшей войне, дает основание полагать, что при общности конечных целей они выбрали разные пути их реализации под влиянием факторов второго порядка.

В условиях промышленного подъема являющееся излишним крестьянское население на основе общего повышения грамотности и способности к освоению новых занятий могло пополнить собой группу служащих и рабочих; но с ухудшением экономической конъюнктуры они первыми оказывались лишенными достигнутого. Чередование восходящих и нисходящих тенденций в судьбе человека было весьма раздражающим и провоцирующим фактором. Вместо благодарности тому обществу, которое дало им перспективу, такие социальные мигранты чувствовали к нему ненависть и недоверие, переживая чувство отсутствия перспективы. Эта аберрация социального зрения была вызвана двумя факторами: 1) самим фактом ухода из патриархально организованного узкого пространства деревни и 2) непоследовательностью (или реальной, или в глазах этого слоя) политики властей, то открывающей пути статусного роста, то их закрывающей: половинчатость реформаторских шагов власти рождала опасения лишиться достигнутого.

В данной части диссертации проанализирована смена поколений внутри революционного лагеря, имевшая последствия качественного характера. Большую роль в этом процессе сыграли полуинтеллигенты – выходцы из крестьянско-мещанских слоев, получившие образование в возникших в ходе реформ народных училищах, и занятые «полуинтел-

лигентным» трудом на фабрично-заводских производствах, на транспорте, в сфере услуг и торговле. Их отличало высокое самомнение, общественная активность и нигилистический настрой, потому что их амбиции не встречали понимания ни у властей, ни у старых интеллигентских слоев. Существование в Российской империи несвободной дифференциации профессий вследствие сохранения пережитков сословной системы и резкий переход к свободному типу распределения занятий после 1917 г. привели к поистине революционным изменениям в сфере «статусной» и «классовой» стратификации.

Тяжелые потери русской армии в войне с Германией привели к появлению слоя людей, «новых» военных, которые стали связывать с армией и, соответственно, с войной свое будущее. Тому, что многие из них не были благонамеренными подданными империи, невольно способствовала сама власть недальновидным решением о призыве неблагонадежных элементов. Претензии к ним полиции и жандармерии не стали препятствием для направления обладателей необходимого образовательного ценза в военные школы.

К концу германской войны типичным становится офицер – крестьянин по сословной принадлежности. «Новые» военные: унтер-офицеры, вахмистры, произведенных в звание в 1915–1916 гг., и выпускники школ прапорщиков военного времени находились в состоянии внутреннего конфликта, рожденного неустойчивостью и противоречивостью статуса. Им позволили получить военную профессию, но на каждом шагу давали понять второсортность. Неоднозначность положения этих опытных в военном отношении людей и определила их пребывание и у белых, и у красных и частые переходы из лагеря в лагерь. После Февральской революции солдаты активно выдвигали их в полковые комитеты, что затягивало даже не знакомых с левыми идеями в зону влияния радикальных партий. По возвращении домой они приглашались руководить отрядами самообороны как люди, опытные в военном деле. Полученные знания и навыки давали унтер-офицерам и прапорщикам возможность рассматривать армейскую стезю как свою новую профессию и жизненное призвание. Опыт мировой войны вно-

сил элементы профессионализма в военную деятельность обеих армий. Из послевоенных воспоминаний становится очевидным, что обладание военными навыками уже само по себе было весьма распространенным и не имеющим политической окраски поводом для участия в вооруженном конфликте.

Существовавшие объективные препятствия для возвращения домой становились причиной того, что вольно или невольно фронтовикам приходилось пополнять собой образовывавшиеся отряды. Те же, кому удалось вернуться на родину, приученные к митинговщине не могли вернуться к тихой жизни обывателя: становились инициаторами установления советской власти, членствовали в ревкомх, комбедах и чрезвычайных комиссиях. Второй причиной радикального поведения демобилизованных солдат было расстроившееся за время их отсутствия хозяйство. Начавшийся по их инициативе передел земли проходил в форме борьбы за советскую власть. На политическую ориентацию фронтовиков влияли местные особенности – авторитет наиболее популярной партии, региональные конфликты давнего происхождения, традиционные раскладки ролей.

На втором этапе войны, после начала борьбы с партизанщиной начался отток фронтовиков из Красной армии. Мобилизационные кампании в РККА и вооруженные формирования белых правительств способствовали не только увеличению численности армий, но и становились моментом приобщения населения к общероссийским событиям. Мобилизация встречала противодействие у местных структур, при этом советские органы использовали чудеса манипулирования соответствующей риторикой, чтобы уклониться от выполнения распоряжений, спущенных сверху. Но настойчивость большевиков, агитация и система льгот для красноармейцев в итоге дали им многомиллионную армию.

Большевикам удалось создать как часть государственного аппарата централизованную мобилизационную систему. У белых она оставалась разрозненной, действующей почти на инициативных основаниях. У них отсутствовала продуманная система комплектования армии: даже откликнувшиеся на призыв далеко не всегда попадали на фронт.

Но что еще существеннее: параметры людского ресурса на окраинах заметно уступали Центру страны. В распоряжении белых оказались этнические группы со своими взглядами на суть переживаемого момента; уставшие от двух сотен лет непрерывной службы казаки; территории с низким уровнем социального напряжения или не получившие опыта первой советской власти; интеллигентная публика, переживающая за исход борьбы в качестве наблюдателя. Призывные кампании при сопротивлении населения легко перерастали в войсковые операции против восставших крестьян.

Мобилизация, проводимая большевиками в русской деревне, не противоречила ее традициям. Она была известным способом компенсации аграрного перенаселения: по опыту прежних поколений новобранцы связывали с ней новые перспективы в жизни. При всей политической индифферентности солдатской массы ее пребывание в армии было сопряжено с пониманием того, что находиться в составе вооруженной группы в то смутное время было куда безопаснее, чем оказаться в положении незащитного обывателя – жертвы при любой власти.

История большевистского подполья в тылу белых является примером кристаллизации пробольшевистских сил как процесса почти лабораторной чистоты – протекавшего исключительно на добровольных началах. Это одна из самых запутанных страниц истории Гражданской войны: она наименее всего оснащена источниками. Практическими единственными являются воспоминания подпольщиков, которые далеко не всегда могут быть перепроверены документами иного происхождения. И, тем не менее, благодаря сличению мемуарных текстов удалось установить некоторые характерные черты этого явления, а также смысл событий, правда о которых тщательно скрывалась самими бывшими подпольщиками.

История местного подполья (в диссертации использован материал Ростова-на-Дону и Архангельска) начиналась с инициативных поездок оставшихся советских активистов на территорию Советской России, где они получали деньги для налаживания работы, литературу и инструкции по организации связи. Вслед за ними в тыл белых из Со-

ветской России ехали представители Центра, но не только ради борьбы с белыми. Они стремились уехать из голодной России на Юг, считая, что именно там, в тылу врага и происходит настоящая революционная работа, не скованная иерархией, инструкциями, дисциплиной. Вокруг подпольных групп вращалось некоторое число вспомогательных сотрудников из местных, и у каждого был свой повод для сотрудничества. Молодежь привлекал жгучий интерес к Советской России. Бывшие рабочие активисты, изгнанные меньшевиками из различных советов, союзов и комитетов, жаждали возмездия. На промышленных производствах постоянно происходили сокращения рабочих мест, и потерявшие работу могли перейти работать в подпольную организацию.

Однако туманные представления о правилах конспиративной работы приводили к провалам при малейшем желании белой контрразведки работать, что вызывало истерический поиск предателей и провокаторов в рядах подпольщиков и провоцировало кровавые расправы с заподозренными в этом. Так, история изобличения ростовских «провокаторов» Э. Василенко и В. Абросимова изобилует темными пятнами, некоторые из которых удалось прояснить. Влияние на историю донского подполья оказал принцип его комплектования – родственно-дружеский, что не гарантировало от конфликтов людей, привлеченных по инициативе разных лидеров. Другой причиной нездоровой атмосферы городского подполья было постоянное пребывание в состоянии стресса. На почве мании преследования случались истерики и слуховые галлюцинации. Но самый важный фактор внутреннего напряжения связан с объемами финансирования, которые поступали в адрес ростовского подполья. Возникавшие конфликты, так или иначе, были связаны с перераспределением полномочий и финансовых потоков. Реальная эффективность подполья была низкой, но даже само существование нелегальных групп рождало слухи, удесятерившие силы подполья, и давало белым ощущение горячей земли под ногами.

Партизанский фактор в условиях гражданской войны играл особую роль на всех ее этапах. Впоследствии в партизанщине часто видели причину поражений, стараясь не замечать ее потенциала: способности

создавать сплочение на основе личноориентированных отношений в ситуации слабости всех остальных. Следует признать значение партизанского этапа в зарождении Красной армии, появлении тысяч местных отрядов и в выдвижении способных инициативных командиров из народа. Большевики последовательно боролись с партизанщиной, но им так и не удалось преодолеть это явление ко времени окончания фронтовых боевых действий на Европейской территории страны: к лету 1920 г. относятся дикие эксцессы на Украине, самовольный экспорт революции из Закавказья в Персию и др. события – отголоски партизанского 1918-го года. Эта борьба была успешной там, где личный состав частей состоял из молодежи, не имевшей опыта двух лет солдатской свободы – 1917-1918 гг. Что действительно удалось сделать красным, так это принудить к симуляции подчинения тех из партизанствующих командиров, которые остались при своих полках, корпусах и дивизиях.

Партизанско-повстанческие отряды, возникшие в тылу белых, мало отличались от образований начального периода Гражданской войны. В них приводили идейные мотивы, нужды выживания, недовольство попытками государственного строительства и грабительские инстинкты. Несмотря на последующее придание партизанскому движению в тылу белых важной роли в борьбе с их армией и местной администрацией, таковую оно не выполняло. Главный его смысл и польза заключались в том, что оно представляло альтернативу для дезертиров и недовольных существующей властью.

Искоренению партизанских черт во ВСЮР мешала идеализация ранних страниц истории добровольчества. Характерная слабая исполнительская дисциплина и отсутствие наказания за это были производны от понимания добровольчества как высокомотивированного морального поступка.

Внутренняя иерархия армий Белого движения, принятая в них манера командования и внутриармейских отношений была реконструирована на основе синхронных документов, поскольку написанные в эмиграции мемуары отличает чрезмерно иконописный стиль. Так,

дневниковые записи офицеров свидетельствуют, что культура официального командования не было, что оно по многим вопросам подвергалось критике. Поведение вождей Белого движения показывает наличие у них нескольких общих характерных черт. Командующие не стремились завоевать настоящую популярность в войсках и у населения. Считалось, что чин и должность обеспечивают необходимый и достаточный авторитет. Тактические просчеты главнокомандующих армиями были очевидны уже тогда: они то слишком точно следовали принципам традиционной войны, то будто напрочь забывали, чему их учили в военном училище и академии Гештаба. Подчиненные критиковали несогласованность действий командования четырех белых анклавов. Кроме объективных трудностей к установлению контактов существовала еще и субъективная составляющая: несмотря на публичные заявления о подчинении, о сотрудничестве и пр. главы армий сомневались в легитимности друг друга.

В то же время следует отдать должное руководящим структурам белых анклавов Юга и Севера, которым удалось просуществовать в течение достаточно длительного времени, не имея в резерве серьезных финансовых ресурсов. Из золотого запаса, находившегося в распоряжении А.В. Колчака, он финансировал, кроме своей армии, еще и Северо-Западную Н.Н. Юденича. Северная армия генерала Е.К. Миллера содержалась за счет кредитов союзников, обеспечиваемых вывозом леса. ВСЮР формировало свой бюджет за счет доходов от продажи нефти майкопских и грозненских промыслов.

На основе синхронных документах определены особенности регламентации и сплочения в Красной армии, поскольку в опубликованных советских мемуарах события, описанные в них, имеют слишком упорядоченный характер. Среди использованных источников: штабная и частная переписка командиров и комиссаров, воевавших вместе; протоколы следственных дел, заведенных в связи с различными штабными «мероприятиями», которые негативно влияли на положение на фронте. Было выявлено, что слой красных командиров остро нуждался в налаживании личных отношений в связи с тем, что революция собирала под

свои знамена людей с разной довоенной биографией. Из тех, кого война свела вместе, возникали сплоченные группы. Первоначально это приносило положительные плоды, поскольку помогало за счет личных контактов решать многие вопросы в условиях неэффективной работы армейского механизма. Групповое сплочение имело и обратную сторону – конфликты между группировками, сведенными приказом высшего командования в одних штабах.

В главе уделено внимание организации снабжения в РККА в связи с тем, что это было одной из важных основ для выстраивания внутрярмейских отношений и контактов с населением.

Отношения среднего командного звена с массой рядовых красноармейцев строились на крайне многообразных эмоциональных основаниях – от страха до обожания. Большую часть бойцов Красной армии составляли не идейные красноармейцы, а мобилизованные, кого нужно было заставить драться. Большевикам удалось нащупать действенный способ психологического воздействия на массу – метод «тактичных репрессий». Такие крайне выборочные акции не приводили к дезорганизации частей, но сам факт экзекуций подавлял волю потенциальных дезертиров и бунтовщиков. И в то же время весьма эффективны были красные командиры, которым удавалось внушать подчиненным восхищение. Красноармейцы хотели видеть своего командира храбрым, удачливым, сообразительным, заботливым, доступным и требовательным одновременно. Немецкий философ А. Дистервег ввел в обиход такое понятие, как культуросообразность, с помощью которого он оценивал комплементарность культурных явлений стоящим перед социумом задачам. В соответствии с его терминологией красные командиры были более культуросообразны тому времени. Но стрелки – рядовой состав Добровольческой и Сибирской белой армий также стремились наделить своих вождей тем же набором качеств. Иступленного поклонения в итоге удостоивались погибшие командиры, об истинной степени соответствия которых посмертному образу судить трудно. Примечателен тот факт, что те из офицеров-белогвардейцев, в полной мере оправдывавших звание «отца-командира» (об этом свидетельствуют

независимые друг от друга источники), которые не погибли в боях, так и не сделали карьеру в структурах армии и не заняли достойного места в истории своего движения.

Сделан вывод, что устройство Красной армии выглядит более динамичным по сравнению с белыми военными конструкциями; в ней тоже возникали страты, но их границы легко поддавались индивидуальным усилиям; возникавшие конфликты были еще более острыми, чем у противника, но существовала мощная подавлявшая их рука.

Были исследованы психовозрастные особенности участников Гражданской войны и влияние возраста на характер поведения в вооруженном конфликте. При анализе этого явления учитывались разработки специалистов разных гуманитарных профилей, связывающих радикализм и асоциальность поколения молодежи начала XX в. с нарушениями в трансляции социального опыта, ломкой структур традиционного авторитета, вызываемых аграрным перенаселением и наличием в крестьянских семьях «лишних детей». В условиях крушения традиционных устоев при недостатке жизненного опыта молодежь получала возможность экспериментировать, пробовать новые пути и даже казаться себе более успешной и устойчивой к вызовам, чем взрослые. Это было важным мотивом присоединения к самому левому радикальному движению.

Очевиден контраст между отзывами взрослых об участии молодежи в Гражданской войне и отраженных в первичных документах ее собственных ощущениях событий и себя в этих событиях. Юные белогвардейцы подверглись стремительному взрослению, что, как аномально протекающий процесс, привело к нетипичному течению освоения социальных ролей и становления духовных качеств личности. Внешне это выглядело как попытка молодых походить на старших – офицеров-героев. Но на деле формировалось поколение «икс» образца 1918-1920 гг. Оно не было и не могло быть похожим на старших, поскольку не прошло их путем взросления. Те немногие тексты молодых белогвардейцев, которые удалось обнаружить, проигрывают в глубине не только мысли, но и чувств запискам более зрелых людей; в них больше по-

зы и самолюбования, больше стремления поучаствовать в творении Истории и больше ненависти к народу, потому что они не прошли через опыт «народоидолопоклонства». Чувство вины, которое руководило жизнеописателями молодых героев-белогвардейцев, было рождено не только фактом их гибели, но и фактом разрыва между поколениями внутри Белого движения. Если бы белые победили, то будущая военная диктатура опиралась бы на эту молодежь, прошедшую школу жестокости в годы войны.

Мнение о большевиках как силе, популярной исключительно среди молодежи, вводило белогвардейцев в заблуждение. Это позволяло пожилым ветеранам протестного движения успешно выполнять подрывную работу в тылу противника. Они относились к той группе, которая еще в достаточно молодом возрасте поучаствовала в крестьянских бунтах, солдатских волнениях или рабочих стачках. В память о старых добрых временах, когда они были молоды и активны, 40-летние присоединялись к советским отрядам. Они олицетворяли собой преемственность борьбы с царизмом, буржуазией и помещиками.

По мере развития вооруженного конфликта менялись настроения и предпочтения различных включенных в него групп и, соответственно, структуры противоборствующих лагерей. На основе статистического исследования, проведенного силами специалистов Академии военных наук, и собственных подсчетов сделан вывод о том, что по сравнению с германской войной произошло некоторое омоложение состава комбатантов. Смена поколений военнослужащих способствовала продолжению войны, когда уже те, кто ее начинал, были не в силах ее продолжать. Она продлилась столь долго именно потому, что разные возрастные и региональные группы потенциальных солдат вовлекались в нее постепенно, и выработанная масса сменялась другой – свежей.

Характеристика командного состава среднего звена дана в отношении «красных» офицеров, а также их антиподов – офицеров-белогвардейцев. На основе разнообразных документов (дневников, опросных листов, следственных протоколов) составлено представление о мотивах службы кадровых офицеров в советской армии и других

учреждениях. Этому способствовали специально разработанные приемы пропаганды, которые умели увязать и борьбу за мировую революцию, и войну за проливы. Во всех судебно-следственных историях ощутим один общий настрой, а именно: подспудная уверенность, что любой власти нужны профессиональные военные, что ей нужны не их убеждения, а их знания. Службе у большевиков способствовали некоторые социальные параметры, например, возраст и семейное положение. После развала армии семейные офицеры старших возрастов и званий уезжали к семьям, и значительная часть из них направлялась в центр страны. Так они оказались на территории, контролируемой большевиками. Для многих первым шагом в будущую РККА было избрание в различные солдатские комитеты и на командные должности, чему способствовал их авторитет у солдат. Чаще это были опытные офицеры, молодые же изгонялись из частей с чувством обиды и желанием поставить «чернь» на место. Других офицеров, присоединившихся к большевикам, привлекала возможность творческого самовыражения и эксперимента; содержание их выбора состояло в поиске системы, в которой можно было эффективнее реализовать свои способности и удовлетворить амбиции. Большевики умело эксплуатировали чувствительность к оценкам труда – большое место профессионалов, особенно тех из них, у которых профессионализм составлял основную черту личности и заменял собой все остальные идентификационные параметры. Так эти люди, сохранив враждебность к октябрьскому перевороту, могли добросовестно служить в Красной армии. При этом те, кто пошел служить к большевикам, не понимали того, что историческая традиция революцией прерывается, и что наступает время не только другой риторики, но и других стандартов поведения. Красные командиры из «интеллигентных», также как и из «полуинтеллигентных» и совсем неинтеллигентных, использовали ресурсы армии для создания комфортного образа жизни.

Вопрос о предпосылках выбора в пользу антибольшевистского лагеря практически еще не получил научной постановки в силу стереотипа о его естественности и предопределенности, унаследованного из

эмигрантской литературы. Большинству авторов, касающихся этой проблемы, тезис о продотрядах и красном терроре кажется достаточным для объяснения причин этого. Хотя уже справедливо замечено, что чрезмерное доверие к эмигрантским источникам приводит к безудержному восхвалению Белой борьбы и, соответственно, к исследовательскому субъективизму⁴¹.

В диссертации предложено признать реальность такого феномена как мировоззрение белого офицерства. Факт существования особого комплекса констант мышления, воспроизводство определенных поведенческих стереотипов, находившихся во взаимовлиянии с системой ценностей и способами корпоративной самоидентификации белого офицерства, говорит в пользу этого. Его возникновению способствовал некий спонтанно и наскоро сложившийся коллективный опыт, вобравший в себя наиболее типичные для предреволюционной России представления. Одну из ключевых ролей в его формировании играло то, что само его существование было защитной реакцией нового слоя на ситуацию хронической социокультурной диспропорции между принятой на себя общественной миссией и реальным положением дел.

Для выяснения контента мировоззрения белого офицерства особое значение имели документы синхронного характера, поскольку мемуарная литература требует соответствующей критики в силу очевидной мифотворческой мотивации авторов.

Содержательную сторону мировоззрения составляла приглушенная политизированность, вызванная пониманием эфемерности единства людей, исповедующих различные политические идеи. И все же в среде белых в годы войны доминировали либеральные и даже социалистические идеи, которые сменились в эмиграции массовым монархизмом. Обнаруженные в архивах дневниковые записи офицеров и добровольцев, в том числе и дворянского происхождения, относящиеся ко времени революции и Гражданской войны, говорят о том, что они уже не связывали с монархией будущее страны. При этом даже монархисты

⁴¹Медведев В.Г. Белый режим под красным флагом (Поволжье, 1918). Ульяновск: СВНЦ, 1998. С. 5.

считали, что Романовы потеряли моральное право на трон, и объясняли свою верность идее монархии лишь исторической целесообразностью в случае с Россией.

Слова Долг и Честь занимали в белогвардейском глоссарии одно из важных мест. Они постоянно вступали в парадоксальное взаимодействие, толкая офицеров на поступки, противоречащие объективным интересам движения, например, к отставкам в случае несогласия с политикой командования, невзирая на трудности положения на фронте. На сохранение офицерской чести было направлено противопоставление солдатской массе, бережное отношение к кастовым признакам. Распространенные в Добровольческой армии случаи самоубийств офицеров оценивались общественным мнением как крайнее средство защиты офицерской чести. Если посмотреть на известные по источникам эпизоды суицидов под углом зрения теории Э. Дюркгейма о самоубийстве как социальном факте, то вырисовывается некоторая закономерность. На начальных этапах социального конфликта жертвенно-альтруистический вариант суицида был наиболее типичен. Эти акты подсознательно были направлены на дальнейшее сплочение остающихся жить. Ближе к завершению войны и поражению стали преобладать эгоистические и аномические «счеты с жизнью». Последние связаны с разрушением ценностной системы, с разочарованием в вождях, лозунгах, смысле борьбы. Этот тип стал преобладающим в эмиграции, что связано было также с тем, что сторонниками Белого движения были люди с более ригидным и менее способным к перестройке мировоззрением, что в целом характерно для традиционалистов, которыми и было большинство белогвардейцев.

Ценностный аспект мировоззрения включал высшие идеалы белого офицерства, с которым они сопоставляли существующее положение вещей. Было рассмотрено отношение белого офицерства к армейской субординации. Приказ как властное распоряжение руководителя, отданное в пределах его должностных полномочий и обязательное для исполнения подчиненными, переставал быть эффективным, поскольку часть офицерства, как отдававшая, так и получающая приказы, считала

армейскую вертикаль нарушенной. Устанавливающуюся иерархию они воспринимали как временную, своего рода оперативного характера. Поступавшую от бывших начальников директивную информацию они предпочитали считать или распоряжением, или даже пожеланием. В дилемме приказ-пожелание выбиралось второе, а в дилемме приказ-инициатива – первое.

Судя по всему, степень религиозности и воцерквленности белого офицерства соответствовала тому состоянию кризиса церкви, которое широко обсуждалось накануне Великой войны и революции. Характер веры, так или иначе, отражается в интимных записях и личных письмах. Из 11 источников этого типа, как опубликованных, так и неопубликованных, достаточно пространных, чтобы составить мнение об этой стороне личности их авторов, религиозное чувство отчетливо проявилось лишь в четырех из них. По-видимому, для большинства белогвардейцев подлинное православие не было духовной опорой и смыслом борьбы. Зато проявилась тяга к мистическому компоненту религии: вера в чудодейственность икон, в приметы, сны, предзнаменования, в защитную силу молитв, ладанок, нательных крестиков. Примечательно, что это явление отмечено по обе стороны фронта.

Структурный аспект мировоззрения характеризует степень внутренней согласованности исповедуемых постулатов и ценностных установок. В этой связи по синхронным документам, относящимся к первым месяцам существования Добровольческой армии, был проверен факт существования морально-этического эталона времен Ледяного похода. Вопреки мнению, сложившемуся благодаря эмигрантской литературе, было обнаружено то же состояние разориентированности и угнетенности духа, что и в последующие периоды. У добровольцев существовала острая потребность в культе вождя. При этом командование ВСЮР, где не чувствовалась воля начальника, осуждалось на всех уровнях. Взамен этого получило широкое распространение поклонение умершим вождям. Разочарование в лидере означало бы конец борьбе, поэтому возник миф о злом гении: то, что не могли отнести на счет са-

мого Главнокомандующего, приписывалось генералу И.П. Романовскому.

Функциональный аспект мировоззрения характеризует степень влияния мировоззренческих структур на поведение человека и его восприятие действительности; степень изменчивости мировоззренческих конструктов под влиянием изменяющегося реального мира. Представления об офицерской чести, о ценности профессиональных знаний военного, о корпоративной сплоченности объединены внутренней логикой. Наиболее исчерпывающе эти установки воплощались в поведении лиц, имевших в прошлом некий статусный рывок, который они должны были подтверждать всей последующей жизнью. Материал синхронных источников рождает сомнения в справедливости таких суждений как тезис о «мощном процессе социализации среди лиц, только недавно надевших офицерские погоны», что «армейский котел очень быстро “переваривал” и изменял сознание новоиспеченных офицеров, заставляя их воспринимать корпоративные ценности, нормы и стереотипы поведения»⁴². При внимательном прочтении источников романтизм белогвардейцев оказывается наивностью, фатализм – инертностью и апатией, обожествление вождей – следствием личностной незрелости, мессианство и жертвенность – способом купировать критические импульсы.

В 3-й главе *«Психосоциальные, социоестественные и каузальные факторы влияния на поведение участников Гражданской войны»* выявлен механизм влияния факторов различной природы на ход вооруженного конфликта.

К моменту свершения большевистского переворота predeterminedенной была позиция лишь малой части населения страны. Война и кризис власти образовали гигантскую воронку, затягивающую людей в конфликт. Перечень объективных факторов начинается с паралича центральной и особенно местной власти, что провоцировало создание от-

⁴² *Кожевин В.Л.* Российская революция 1917 года и ментальность больших социальных групп: проблемы изучения // Вестник Омского университета. Вып. 3. Омск: ОГУ, 1999. С. 83-84.

рядов самообороны; развал армии насытил регионы оружием; демобилизованные солдаты становились готовым кадром как для отрядов самообороны, так и для групп, для защиты от которых те были предназначены. Благодетельной основой Гражданской войны стали местные конфликты, которые после «окрашивания» становились питательной средой для вооруженного столкновения между основными силами конфликта. Мировоззрение основной массы россиян не могло оперировать категориями общероссийского государства, поэтому только личный или местный фактор мог дать им мотив, достаточный для того, чтобы ввязаться в борьбу.

Деятельность советской власти сама по себе являлась одним из самых сильных провоцирующих факторов. Мероприятия по реализации советских декретов приводили к расколу местного социума. Брестский мир привел к обострению экономической ситуации вследствие нарушения межрегионального товарооборота, а начавшийся в Центре страны голод – к акциям насилия в деревне. Сам факт того, что лагерь контрреволюции нашел в себе силы и выдвинул лидеров, вокруг которых началось формирование офицерских организаций, должен быть признан фактором провоцирования затяжной войны, за время которой советская власть смогла укрепиться и превратиться в государственную силу. Появление третьей стороны наряду с захватившими власть большевиками и народной массой позволяло коммунистам перелгать львиную долю ответственности за свои промахи на нее.

Период первой советской власти с ее безоглядным террором стал важным фактором поворота к насилию всех еще недавно равнодушных к событиям людей. Чувство того, что победа и «светлое завтра» буквально за поворотом и что для этого надо убрать с дороги лишь горстку «буржуев», позволяло сторонникам большевистской революции не останавливаться ни перед какими жертвами, – так хотелось быстрее преодолеть этот тяжелый участок исторического пути. Революция как расчистка поля под новую жизнь вполне вписывается в представление о космической сезонности мира: было ваше время, теперь – наше.

После создания этой своего рода подготовительной платформы в дело вступили факторы, вытекающие из факта существования конфликта. Происходил отбор наиболее агрессивных вожаков и наиболее радикальных способов поведения. Обе стороны осуществляли манипуляции с информацией для создания отрицательного образа противника. Переход территории из рук в руки, отмена предыдущих постановлений и наказание выражавших сочувствие противнику усугубляли число взаимных обид и претензий, а также увеличивали количество жертв. Момент объявления мобилизации толкал в лагерь противника. Участие в боях и пребывание в плену придавали дополнительный кумулятивный эффект конфликту. Уголовная составляющая революции решала текущие нужды борьбы, но рождала еще большую ненависть.

Гражданская война стала временем, когда малейшее различие приобретало характер политического. Существование старой и новой орфографии, юлианского и григорианского календарей, смена часовых поясов усиливали ощущение чужеродности двух частей социума.

Изменение суточного ритма жизни людей, привыкших согласовывать его с естественными биоритмами, проходило не только под влиянием чрезвычайного характера их новой деятельности, но и воспринималось как одно из проявлений эмансипации человека, на этот раз от вековых традиций и от диктата природы. Установившийся нехарактерный для большинства населения ритм деятельности (ночная активность, отсутствие суточной и годичной цикличности) усиливали психологическую и физиологическую нагрузку, чем внесли свой вклад в рост агрессивности.

Факторам, фатально двигавшим страну к войне, в меморатных текстах уделено гораздо больше внимания, чем тому, что могло остановить этот процесс. И все же они существовали. Среди них можно назвать культурный опыт населения, знающий и бескровные способы решения конфликтов. Их действие связано со стремлением жителей провинции к обособлению, казачества – к отказу от выполнения функций милицейской и военной силы, левой интеллигенции – к поиску путей мирного разрешения конфликтов. Однако, идейные авторитеты, на

которых ориентировались разные группы населения, в равной степени призывали к борьбе с противником. Такова была и позиция церкви, и политические платформы всех партий без исключения.

Развитие и ход войны в регионах Севера и Юга России имело существенные различия. Собранные материалы дали возможность выписать этот процесс применительно к Дону, Кубани, Северному Кавказу, Поволжью, Архангельской и Олонецкой губ. Эскалация конфликта проходила по нескольким сценариям: раскол местных сил по отношению к событиям в столице; реакция на существование представлявшей угрозу сплоченной, как правило, пришлой группы; обострение старых конфликтов и противоречий при появлении надежды на разрешение их в благоприятном для себя русле. Провоцирующую роль в событиях неизменно играл фактор ослабления всей властной вертикали.

Компаративный анализ региональных комплексов исторических источников помог выявить и показать роль в разжигании внутренней войны таких факторов, как скопившиеся в регионах запасы вооружения; участие в местных боестолкновениях иностранцев, инородцев и уроженцев других губерний, офицерских кадров и фронтовиков вообще; провоцирующее влияние оформленных политических сил и военно-политических центров, стремившихся разбудить в населении столь необходимую для внутригражданского конфликта ненависть. Таким образом, процесс выглядит не настолько эпицентричным, как обычно его представляют. Первоначально на конфликт оказывали как тормозящее, так и провоцирующее влияние культурно-этнические особенности проживающего населения. Но затем вооруженный конфликт расширялся в соответствии с универсальными механизмами его самовоспроизводства.

События на Юге испытали влияние многонационального состава и чересполосного проживания, миграции контрреволюционно настроенных элементов из Центра страны и потока демобилизованных солдат из Закавказья. Специфика казачьего или горского менталитета определяла не только модель поведения отдельного человека, но и глобальное позиционирование этнических и сословных групп; притом, что это по-

зиционирование никогда не было универсальным для всех их представителей. Карелия в полной мере испытала на себе интерес получившей независимость Финляндии, став одной из наиболее погрязших в междоусобице территорий. Соседняя Архангельская губ., не являвшаяся таким перекрестком путей, каким были Центр, Юг, Урал, продемонстрировала процесс наибольшей «химической» чистоты, какая только может быть в действительности. Как «контрольная» группа, испытывавшая минимальное влияние внешних воздействий, участники боев на Северном фронте продемонстрировали всю условность деления на «белых» и «красных» и влияние частных событий неполитического характера на вовлечение местного социума в войну.

На основе анализа контента некоторых советских и белогвардейских газет была проанализирована агитационно-пропагандистская активность противоборствующих сил и ее влияние на общественные настроения. В условиях недостатка информации существовало общее стремление к достоверному освещению событий, особенно на фронтах. При этом редакция киевской газеты «Большевик» в значительно большей степени, чем издатели «Великой России», тяготела к диалогу с читателем и ставила актуальные практические цели – разъясняла действия местной власти, призывала к сотрудничеству в ликвидации недостатков и нарушений. Открытость газеты распространялась и на тему борьбы с контрреволюцией: подробное освещение получала деятельность карательных органов – чека и ревтрибунала. «Великая Россия» страдала чрезмерной интеллигентской монологичностью. И лишь в одном вопросе обе газеты не останавливаясь перед подлогом, когда целенаправленно фабриковали негативный образ врага.

Прочтение биографий и личных бумаг активных участников Гражданской войны под особым углом зрения вносит новое видение социальности человеческого поведения. К анализу были привлечены бумаги личного характера, принадлежащие шести активным участникам Гражданской войны – большевикам С.Г. Лазо, У.Д. Буйнакскому, Б.М. Думенко, А.Д. Шерипову, М.А. Энееву и белому генералу И.Г. Эрдели. Это – письма, адресованные любимым женщинам, и дневнико-

вые записи интимного характера. В период войны многие ее активные участники переживали состояние сильной влюбленности, которая выглядит потребностью, рожденной именно этим тяжелым и переломным временем. В качестве рабочей версии было предложено объяснение психологических предпочтений в зависимости от мотивов участия мужчин в этом конфликте, от культурных и интеллектуальных качеств личности человека. Идеичность требовала выбора женщины – соратницы и эталона; прагматизм – женщины – «надежного тыла», не имеющей самостоятельной личностной величины; вовлеченные в события против собственного желания искали ту, с которой можно забыть обо всем, в том числе и о войне.

Восприятие исследователями Гражданской войны как своеобразного, кровавого электорального периода, чем она была в действительности по результатам, но не по своему ходу, искажает картину и отвлекает внимание от некоторых факторов объективного характера. На ход Гражданской войны оказали огромное влияние естественно-природные процессы (демографические, биологические, климатические), которые не могли по своей природе протекать в чьих-то интересах. Оценка собранных данных подтолкнула к выводу, что эпидемии усиливали действие других причин событий, ослабляя боевой потенциал армий, вскрывая слабые стороны ее организации, обостряя внутренние противоречия. Пандемия тифа способствовала ускорению выработки ресурсов нации и прекращению войны. Пожалуй, дата ее окончания пришлась на момент, когда была израсходована психоэмоциональная и физическая способность к вооруженной борьбе основной массы населения в результате «долгой войны» 1914-1920 гг.

В 4-й главе *«Особенности чувственного и понятийного освоения действительности современниками внутригражданского конфликта в России»* анализируются выявленные в документах примеры дискурса борьбы и войны, их эмоциональное и общественно-политическое насыщение; языковые инновации – новые понятия, новые значения слов в связи с новыми явлениями, относящимися к 1917-му и последующим годам.

Новые отношения рождали новые оценки и новые символы, которые оказывали не менее сильное влияние на действительность, чем военные и политические события. Расширение политического конфликта в стране, не имеющей опыта политической диспозиции, привело к бурному процессу возникновения иных, чем партийно-программные, инструментов идентификации. Приемы визуального опознавания за счет высокой доступности восприятию массами активно использовались всеми поколениями революционеров, а после февральского этапа революции и самими массами. Адаптированные (не только пропагандистской машиной большевиков, но и самим используемым народом способом понимания) лозунги привязывались к определенному символическому цвету, закрепленному за одной из сторон конфликта. Кроме того, в результате спонтанного коллективного творчества возник визуальный стандарт новой революционной элитарности, источником которого стали герои нового времени – фронтовики, унтер-офицеры, прапорщики и, прежде всего, выпускники военно-технических школ, под образ которых стремились подстроиться все желавшие войти в состав новой элиты.

Языковые изменения замечены в лексиконе как революционного, так и контрреволюционного лагеря. Это подтверждает тот факт, что их генератором была текущая военно-политическая ситуация, а не одна лишь революционная сторона конфликта, хотя лагерь контрреволюции был менее плодovit в деле конструирования новых слов как хранитель традиционных смыслов. С помощью документов личного происхождения удалось восстановить семантику и механизмы формирования популярных лексических конструкторов той эпохи: коммунист, большевик, кадет, боец.

В присвоении революционным отрядам устрашающих названий ощутимо влияние народных приемов заговора от испуга, от нечистой силы и злых людей. Механизм облечения в традиционную внешнюю форму актуальных задач облегчал патриархально мыслящей и чувствующей массе их выполнение. Собранный материал показал, что различные эвфемизмы, знаковые жесты, ритуалы, выработанные в ходе

Гражданской войны, были необходимы людям для уменьшения страха от последствий своих собственных необратимых действий, поэтому их поведение содержит столь много маскирующих, засимволизированных конструкций речи и действия. Они имели как витальные, так и социогенные источники происхождения. Предложение увидеть в особенностях протекания и отражения событий Гражданской войны в Карелии ментальный подтекст основывается на мнении, что именно мифологические образы наполняют собою действия, не содержащие раздумий и рефлексии.

В «*Заключении*» подводятся итоги по диссертации в целом.

Осуществленное исследование историко-антропологического жанра показало значение психической (субъективной) реальности в процессе движения страны к революционному взрыву и в углублении социально-политического раскола.

Принцип многоаспектности, требующий объединения источниковедческих, социально-исторических, персоналистических, процессуально-динамических граней исследования, позволил описать такое сложное историческое явление как российский социум в эпоху Русской революции и Гражданской войны – как на уровне больших социальных групп, так и на индивидуальном уровне. Метод историко-антропологической и психолого-исторической реконструкции, явившийся результатом интеграции отечественного и мирового исторического знания, показал себя при решении историко-генетических, структурных и содержательных аспектов истории Русской революции и Гражданской войны.

Исторические источники – документы личного происхождения, являющиеся продуктами деятельности человека и воплощающие в себе в объективированной форме информацию об особенностях личности автора, его взглядах и представлениях, об историческом контексте, доказали собой реальный фактографический потенциал в деле научно-исторической реконструкции того исторического периода.

Обобщение всего комплекса выводов по теме диссертации позволило выстроить версию, обладающую некоторыми признаками теории

среднего уровня. Факт существования работ современника и участника описываемых событий П.А. Сорокина и в частности его «Социологии революции» не мог не сказаться на желании найти в собственном материале обоснование содержащихся там формулировок закономерностей. Не было никакого сомнения в отношении сформулированного Сорокиным закона «социального иллюзионизма» как характерного для стран, оторванных от достижений мировой цивилизации в области свободы и демократии. В этом социолог имел в виду податливость масс к революционным лозунгам и обещаниям. Этот закон хотелось бы дополнить явлением, которое по аналогии с ним можно было бы назвать законом «социальной слепоты», имеющим те же цивилизационные основания, что и закон, предложенный классиком. На протяжении временного интервала примерно в двадцать предреволюционных лет для представителей всех групп российского общества была характерна неадекватная оценка происходящих социальных процессов и изменений. В ней сочетались и слишком позитивные ожидания, и чрезмерная негативизация; выстраивание планов прожектерского типа и неумение увидеть очевидные варианты перспектив развития.

Социальный процесс, спровоцировавший эту аберрацию социального зрения, был связан с большой скоростью структурных изменений в социальной, экономической и политической сферах российского общества. Особенно это коснулось низов общества и проявилось в поколениях, находившихся в тот момент на этапе социализации. Отсутствие примеров успешных и проверенных вариантов жизненного устройства толкало их на эксперименты. Культурное и экономическое развитие нецензовых слоев населения сопровождалось ростом их общественной активности, быстро достигавшей ее политического спектра. Этот закон «опережающей активности» воплощался в ощущении обманутых надежд. При реальном повышении социальных характеристик у наиболее инициативных представителей этих слоев их социальные амбиции имели еще больший рост: лишенное четких ориентиров сознание, незнающее что возможно, а что нет, легко поддавалось влиянию эмансипаторских идей.

Сформулированные П.А. Сорокиным законы моральной деградации и биологизации человеческого поведения в период революций, позитивной и негативной поляризации людей в период социальных кризисов и в особенности тезис о том, что в ходе революции гибнут прежде всего наиболее выдающиеся, одаренные люди, и в меньшей мере страдают морально и биологически дефективные лица, рождены личным травмирующим опытом ученого. На содержание теории оказали влияние его переживания в связи с потерей близких друзей и единомышленников в результате военных действия и красного террора. В рассуждениях о том, что одна часть общества становится более склонной к социальной аномии, другая – к моральному совершенствованию и религиозности, так и чувствуется его видение деления страны на красных и белых, хотя сам Сорокин утверждал, что наука заканчивается там, где начинаются оценочные суждения.

Переживаемый страной кризис воспринимался современниками по-разному, и для некоторых это было время замечательных событий, надежд и свободы. Это ощущение не имело четкой политической дифференциации, но имело тенденцию привязки к молодому поколению. В связи с этим одной из причин революции может считаться демографический взрыв рубежа веков. Но и для людей старших возрастов в этой тотальной ломке могла скрываться своя притягательность.

Тип социальных объединений, доминирующий в годы войны, обладал признаками самодетельных коллективов. Становившиеся комбатантами входили в них как личности, сами по себе, свободные от тех общественных обязательств, от которых они хотели бы избавиться. Структура группы складывалась на системе личных отношений, а потому воспринималась как особо авторитетная. Этому способствовали эгалитаристские лозунги революции, влиявшие и на лагерь противников большевиков. Да и сама модель вхождения в новый социум как бы в очищенном после символического омовения и сбрасывания прежних одежд виде была близка христианской символике и этике.

Малая рабочая теория, появившаяся в результате анализа данной конкретно-исторической ситуации, описывает специфическую соци-

ально-политическую активность, складывавшуюся в момент кризиса традиционного общества. Она имела высокую интенсивность у недавних выходцев из деревни и, как правило, снижалась по мере их закрепления в новом статусе. Другим важнейшим проявлением этой активности стала характерная для наиболее деятельной части ее носителей неудовлетворенность достигнутыми, подчас весьма существенными результатами. Данная концепция имеет межотраслевой характер, выходит за рамки предмета истории и находится на стыке с другими направлениями социально-гуманитарного знания.

Рассмотренная под историко-антропологическим углом зрения Гражданская война в России оказалась событием, более обращенным к прошлому, чем подлинным началом новой эпохи. Вовлеченные в нее слои населения ставили перед собой задачи, испытывающие влияние ожиданий и иллюзий предыдущей жизни. Реальный уровень насилия был шокирующим для современников, но уступал тому образу эпохи, который был создан в последующие годы литературой мемуарного и пропагандистского характера. Несмотря на мощные миграционные потоки и сдвиги в составе социальных и политических элит, раннее советское общество отличалось от предреволюционного в меньшей степени, чем от собственного зрелого варианта, ставшего результатом социальной инженерии 1930-х гг., Великой Отечественной войны и смены поколений.

III. ПУБЛИКАЦИИ ПО ТЕМЕ ДИССЕРТАЦИИ

Основные положения и научные результаты диссертационного исследования изложены в опубликованных материалах.

Монографии:

1. *Морозова О.М.* Два акта драмы: боевое прошлое и послевоенная повседневность ветеранов Гражданской войны. Ростов н/Д.: ЮНЦ РАН, 2010. 360 с. (16,9 а.л.).

[Рец.: Посадский А.В. Гражданская война глазами красных ветеранов // Родина. 2011. № 11. С. 23].

2. Морозова О.М. Цари, казаки, красные командиры... Семь очерков в жанре историко-психологического портрета. Ростов н/Д.: ЮНЦ РАН, 2010. 276 с. (13,0 а.л.).

3. Морозова О.М. Антропология гражданской войны. Ростов н/Д.: ЮНЦ РАН, 2012. 560 с. (27,3 а.л.)

Работы, опубликованные в ведущих рецензируемых научных журналах и изданиях, определенных ВАК:

4. Морозова О.М. Природно-географический фактор в идентификации населения российского центра и окраин (XIX – начало XX вв.) // Культурная жизнь Юга России. 2007. № 4. С. 27-29. 0,13 п.л.

5. Морозова О.М. Методологические и методические аспекты изучения исторической наукой менталитета социальных групп // Известия вузов. Сев.-Кавказск. регион. Обществ. науки. 2007. № 3 (139). С. 32-37. 0,75 п.л.

6. Морозова О.М. Экономический менталитет донских казаков (по материалам личных фондов ГАРО) // Там же. 2007. № 4 (140). С. 45-50. 0,75 п.л.

7. Морозова О.М. Кадровый состав и внутриармейские отношения в воинских формированиях Гражданской войны // Вопросы истории. 2008. № 7. С. 26-38. 0,9 п.л.

8. Морозова О.М. Ульяновы. Семья донских казаков за сто лет // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории / ИВИ РАН. М.: Едиториал УРСС, 2008. Вып. 23. С. 298-318. 1,0 п.л.

9. Морозова О.М. Он и она у порога Хаоса. Николай II и Александра Федоровна в годы Великой войны // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории / ИВИ РАН. М.: Едиториал УРСС, 2010. Вып. 31. С. 154-175. 1,0 п.л.

10. Морозова О.М. «Инвалид ответственного поста» // Родина. 2011. № 2. С. 134-137. 0,6 п.л.

11. *Морозова О.М., Невская Т.А.* «Мои пятьсот трупов лежат...» // Там же. С. 44-48 (авторский вклад 0,35п.л.).

12. *Морозова О.М.* Николай Федорович Гикало // Вопросы истории. 2011. № 9. С. 37-57. 1,5 п.л.

13. *Морозова О.М.* Личные фонды донских казаков в Госархиве Ростовской области // Отечественные архивы. 2011. № 6. С. 41-48. 0,5 п.л.

14. *Морозова О.М.* Любовные тексты участников Гражданской войны как исторический источник // Российская история. 2012. № 1. С. 148-161. 1,1 п.л.

15. *Морозова О.М.* Командир Стальной дивизии // Военно-исторический журнал. 2012. № 6. С. 59-65. 1,1 п.л.

16. *Морозова О.М.* «Будящее желание объятий твоих...». Письма и дневники генерала Эрдели // Родина. 2012. № 7 (в печати).

Работы, опубликованные в других научных изданиях:

17. *Морозова О.М.* Историко-психологический портрет революционера (Л.Д. Троцкий) // Человек в экстремальных условиях: историко-психологические исследования: материалы XVIII Междунар. конф., 12-13 дек., 2005 г. СПб.: Нестор, 2005. Ч. 2. С. 51-55. 0,33 п.л.

18. *Морозова О.М., Берлявский Л.Г.* Юристы в Гражданской войне: между профессионализмом и необходимостью // Юридический вестник Ростовск. гос. экономич. ун-та. 2006. № 2 (38). С. 5-11 (авторский вклад 0,25п.л.).

19. *Морозова О.М.* Паника как свойство массового сознания участников Гражданской войны // Человек в контексте своего времени: опыт историко-психологического осмысления: мат-лы XX Междунар. науч. конф., 18-19 дек. 2006 г. СПб.: Нестор, 2006. Ч. 2. С. 227-233. 0,33 п.л.

20. *Морозова О.М.* И красный мак и белая ромашка растут на проклятой земле... (Цвета в политической истории России) // Акту-

альные проблемы социальной истории: сб. науч. статей. Новочеркасск; Ростов н/Д.: НГМА, 2007. Вып. 8. С. 101-106. 0,4 п.л.

21. *Морозова О.М.* Влияние идеологии и практики насилия на возникновение и исход революционного конфликта в России // Природа терроризма и психология человека на историческом фоне его угрозы: материалы XXI Междунар. науч. конф., май 2007 г. СПб.: Нестор, 2007. С. 206-211. 0,33 п.л.

22. *Морозова О.М.* Переписка двух «николаевских» генералов и телеграмма атамана Каледина // Войны в России. Сравнительный анализ: мат-лы 47-й Всерос. заоч. конф. СПб.: Нестор, 2007. С. 16-25. 0,5 п.л.

23. *Морозова О.М.* Случаи плена в биографиях красноармейцев // Путь в науку: Молодые ученые об актуальных проблемах социальных и гуманитарных наук. Ростов н/Д.: ИППК ЮФУ, 2007. Вып. 8. С. 133-143. 0,42 п.л.

24. *Морозова О.М.* Испытание бытом, или тыловые будни периода Гражданской войны в России (1917-1921) // Быт как фактор экстремального влияния на историко-психологические особенности поведения людей: мат-лы XXII Междунар. науч. конф., 17–18 дек. 2007 г. СПб., 2007. Ч. 2. С. 58-63. 0,33 п.л.

25. *Морозова О.М.* «Эгалитаризм», «коллективизм» и «трудолюбие» русского народа: неочевидная очевидность // Cogito: альманах истории идей / ЮФУ. Ростов н/Д.: Логос, 2007. Вып. 2. С. 407-427. 1,0 п.л.

26. *Морозова О.М.* Рабочие российских железных дорог в трех пролетарских революциях // Вестник Гуманитарного ин-та (Тольятти). 2007. № 2. С. 42-52. 0,7 п.л.

27. *Морозова О.М.* Д. П. Жлоба глазами своих бойцов: портрет легендарного командира Стальной дивизии // Человек второго плана: сб. науч. ст. / ЮФУ. Ростов н/Д.: Логос, 2008. Вып. 5. С. 206-228. 1,0 п.л.

28. *Морозова О.М.* О самоидентификации казачьего населения Дона (XVIII в. – 1920 г.) // Казачество России: прошлое и настоящее: сб. науч. ст. Ростов н/Д.: ЮНЦ РАН, 2008. Вып. 2. С. 105-119. 1,0 п.л.

29. *Морозова О.М.* Нарратив профессора И.А. Малиновского // История научной интеллигенции Юга России: межрегиональные и международные аспекты: сб. статей. Краснодар: Кубанькино, 2008. С. 61-70. 0,5 п.л.

30. *Морозова О.М.* Горское своеобразие и большевистский творческий порыв // Народы России: историко-психологические аспекты межэтнических и межконфессиональных отношений: мат-лы XXV Междунар. науч. конф., 12-13 мая 2009 г. СПб.: Нестор, 2009. С. 234-238. 0,25 п.л.

31. *Морозова О.М.* Девятый псалом образца 1919 года // Актуальные проблемы гуманитарных наук: мат-лы 2-й регион. конф. Владикавказ: СОИГСИ им. В.А. Абаева, 2009. С. 145-151. 0,25 п.л.

32. *Морозова О.М.* Представление о преступлении и наказании в массовом сознании в первые годы советской власти // XV Адлерские чтения. Проблемы становления правового государства и гражданского общества в России: мат-лы Всерос. науч.-практ. конф., 22-26 мая 2009 г. Краснодар: Традиция, 2009. С. 336-340. 0,2 п.л.

33. *Морозова О.М.* Побуждение к смерти как диагноз времени: трансформация восприятия смерти в эпоху гражданской войны в России // Cogito: альманах истории идей / ЮФУ. Ростов н/Д.: Логос, 2009. Вып. 3. С. 332-350. 0,9 п.л.

34. *Морозова О.М.* В поисках тихой гавани: жизнь в стенах университета в годы гражданской войны // Научная жизнь Северного Кавказа в условиях социально-политических трансформаций XX века: мат-лы науч. конф., 24-26 сент. 2009 г. / КГУКИ. Краснодар: Кубанькино, 2009. С. 132-141. 0,5 п.л.

35. *Морозова О.М.* Влияние идентификационных процессов на ход гражданской войны на Северном Кавказе (1917-1921 гг.) // Этнокультурные технологии формирования российской идентичности в полиэтничном регионе: сб. науч. ст. по мат-лам II Междунар. науч.-практ.

конф., 24-27 сент. 2009 г. / КГУКИ. Краснодар: Альфа-Полиграф плюс, 2009. С. 501-508. 0,4 п.л.

36. *Морозова О.М.* От сумы, от тюрьмы и от сумасшедшего дома: деятельность «партизанских комиссий» (1919–1935 гг.) // Повседневный мир советского человека 1920–1940-х гг.: сб. науч. статей. Ростов н/Д.: ЮНЦ РАН, 2009. С. 90-107. 0,9 п.л.

37. *Морозова О.М.* Образование как социальный лифт и повод к революции // Социальные коммуникации и российское высшее образование: мат-лы Межвуз. науч.-практич. конф. Ростов н/Д.: ДГТУ, 2010. С. 70-84. 0,6 п.л.

38. *Морозова О.М.* Пережить войну: рядовой состав вооруженных формирований периода Гражданской войны в России // Былые годы. Черноморский исторический журнал. 2009. № 4 (14). С. 28-45. 1,3 п.л.

39. *Морозова О.М.* Под мальтийским крестом на полях Гражданской войны в России // Казачество России: прошлое и настоящее: сб. науч. статей. Ростов н/Д.: ЮНЦ РАН, 2010. Вып. 3. С. 173-189. 1,0 п.л.

40. *Морозова О.М.* Посол Дона на Кубани: генерал В.А. Ажинов // Казачья государственность: исторические, правовые и культурные аспекты: мат-лы Междунар. науч. конф.: сб. статей. Краснодар, 2011. С. 181-189. 0,4 п.л.

41. *Морозова О.М.* Горец на перепутье: письма Мухтара Эсенбаева // Народы Кавказа в пространстве российской цивилизации: исторический опыт и современные проблемы: мат-лы Всерос. науч. конф., 13-15 сент. 2011 г. Ростов н/Д.: ЮНЦ РАН, 2011. С. 218-221. 0,25 п.л.

42. *Морозова О.М.* Персидский поход Красной армии 1920-1921 гг. // 1921 год в судьбах России и мира: от Гражданской войны к послевоенному миру и новым международным отношениям: сб. мат-лов Междунар. науч. конф. Мурманск: МГГУ, 2011. С. 291-294.

43. *Морозова О.М.* Красный кавалерист Осипянц: отзыв 1915 г. // Армяне Юга России: история, культура, общее будущее: мат-лы Всерос. науч. конф., 30 мая – 2 июня 2012 г. Ростов н/Д.: ЮНЦ РАН, 2012. С. 361-366. 0,25 п.л.